

Оскар Уайльд Сказки

Из сборника «СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ»

Великан-эгоист

Каждый день, возвращаясь из школы домой, дети заходили поиграть в сад Великана. Это был большой и красивый сад, весь в мягкой, зеленой траве, усеянной прекрасными, подобными звездам цветами. В саду росли двенадцать персиковых деревьев, покрывавшихся в раннюю весеннюю пору сплошной пеленой из нежных перламутрово-розовых цветков, а осенью радовавших обильным урожаем персиков. На ветвях деревьев любили сидеть птицы, и пели они так сладко, что, заслушавшись, дети забывали про свои игры.

– Как нам здесь хорошо! – не уставали они повторять друг другу.

Но вот пришел день, когда Великан вернулся домой. Он гостил у своего доброго друга, корнуэльского великана-людоеда, и пробыл у него семь лет. Именно семь лет понадобилось Великану, чтобы сказать другу все, что ему хотелось сказать, ибо слова всегда давались ему с большим трудом. А затем он решил возвратиться в свой замок, но, приехав домой, увидел, что в его саду играют какие-то дети.

– А вы здесь что делаете? – закричал он страшным голосом, и дети бросились наутек.

– Мой сад – это мой сад, – пробурчал Великан, – неужели это так трудно понять? Играть в нем не позволено никому, кроме, разумеется, самого меня.

И он воздвиг вокруг сада высокую стену, повесив на видном месте табличку с такой надписью:

Посторонним вход воспрещен.

Нарушители будут преследоваться по закону.

Вот каким эгоистом был Великан.

Теперь бедным детям негде было резвиться. Они пробовали играть на дороге, но там было пыльно и полно острых камней, и им там совсем не понравилось. Что ж, оставалось лишь бродить после уроков вокруг высокой стены да обмениваться воспоминаниями о прекрасном саде, скрытом стеною.

– Как нам было там хорошо! – говорили друг другу дети.

Наступила весна, все вокруг расцвело, и повсюду порхали птицы. Вот только в саду Великана-эгоиста по-прежнему стояла зима. Птицы там не хотели петь, потому что в нем не было больше детей, а деревья так и не вспомнили, что пора распускаться. Один красивый цветок собрался было выглянуть из травы, но, увидев табличку с надписью, так огорчился за детей, что поспешил вновь скользнуть в землю и тут же уснул. Единственными, кого это устраивало, были Снег и Мороз.

– Весна забыла про этот сад, – радовались они, – и мы можем теперь оставаться здесь целый год.

Снег набросил на траву большое белое покрывало, а Мороз разрисовал все деревья серебром, после чего они пригласили в гости Северный Ветер, и тот не замедлил явиться, плотно закутанный в меха. Целый день бушевал он в саду и сорвал с крыши замка все трубы.

– До чего же прекрасное место! – воскликнул он. – Давайте пригласим сюда к нам и Град.

Град тоже не заставил себя ждать. Каждый день по три часа кряду он барабанил по крыше замка, пока не разбил почти всю черепицу, а потом еще долго кружил по саду со всей прытью, на которую был способен. Одет он был в серое, и дыхание его было ледяным.

– Не могу понять, почему так запаздывает Весна, – удивлялся Великан-эгоист, сидя у окна и глядя на белый, обледенелый сад. – И все-таки я надеюсь, погода рано или поздно изменится.

Но Весна так и не наступила, Лето – тоже. Ну а Осень подарила спелые, золотистые плоды всем садам в округе и лишь сад Великана обошла стороной.

– Он такой эгоист! – объясняла она.

Вот и царила в саду Великана вечная Зима, и только Северный Ветер с Градом да Снег с Морозом кружились в ледяном вихре среди деревьев.

Однажды утром, когда проснувшийся Великан еще нежился в постели, он вдруг услышал звуки чудесной музыки. Они так ласкали его слух, что он подумал: не иначе как где-то рядом проходят королевские музыканты. На самом деле это была всего лишь маленькая коноплянка, распевавшая у него под окном, но он так давно не слышал птичьего пения в своем саду, что незатейливая песнь скромной пташки показалась ему самой прекрасной музыкой на земле. Вскоре Град перестал отбивать чечетку над его головой, а Северный Ветер прекратил свои жуткие завывания, и через открытое окно до Великана донеслось восхитительное благоухание.

– Кажется, пришла наконец Весна! – воскликнул Великан и, выпрыгнув из постели, бросился к окну.

И что же он увидел?

А увидел он нечто совершенно необыкновенное. Через небольшой проем в стене в сад забрались дети и сидели теперь на деревьях – по ребенку на каждом. Деревья так обрадовались возвращению детей, что тут же начали распускаться, приветливо покачивая ветвями над их головами. Повсюду порхали и весело щебетали птицы, а из зеленой травы выглядывали, счастливо улыбаясь, цветы. Зрелище было восхитительное. И лишь из одного уголка сада все еще не уходила Зима. Это был самый отдаленный уголок, и Великан с трудом разглядел там маленького мальчика. Он был так мал, что не мог дотянуться до веток и, горько плача, все ходил и ходил вокруг дерева. А несчастное дерево по-прежнему было покрыто снегом и инеем, и над ним продолжал завывать Северный Ветер.

– Карабкайся на меня, малыш! – приглашало дерево мальчика, склонив к нему как можно ниже свои ветви, но мальчик был слишком крохотный.

У Великана, неотрывно смотревшего в окно, понемногу начало оттаивать сердце.

– Каким же я был эгоистом! – ужаснулся он. – Теперь мне понятно, почему Весна не спешила в мой сад. Посажу-ка я этого бедного мальчугана на дерево, а потом пойду и разрушу стену, чтобы сад мой навсегда стал местом для детских игр.

Ему было по-настоящему стыдно за то, как он обходился с детьми.

Он на цыпочках спустился по лестнице, бесшумно отворил входную дверь и выскользнул в сад. Но дети, едва завидев его, так испугались, что бросились бежать куда глаза глядят, и в сад снова возвратилась Зима. Не убежал лишь один малыш: глаза у него были настолько заплаканы, что он попросту не заметил приближения Великана. А Великан подкрался к нему сзади и, осторожно взяв в руку, посадил на дерево. И дерево тотчас же расцвело, тут же откуда ни возьмись прилетели птицы и, расевшись по веткам, принялись распевать, а малыш протянул к Великану руки, обнял за шею и поцеловал. Другие дети, видя, что Великана уже не нужно бояться, прибежали обратно, а вместе с ними пришла и Весна.

– Теперь это ваш сад, дети! – сказал Великан и, взяв в руки огромную кирку, снес стену.

А когда местные жители шли в двенадцать часов на рынок, перед ними предстало поразительное зрелище: Великан играл с детьми, да не где-нибудь, а в своем саду – самом прекрасном саду, какой им только приводилось видеть.

Так они играли весь день, а когда наступил вечер, дети стали с Великаном прощаться.

– А где же самый маленький из вас? – спросил Великан. – Тот малыш, которого я посадил на дерево?

(Великану этот малыш особенно полюбился – он так трогательно поцеловал его.)

– Не знаем, – отвечали дети, – он, наверно, уже ушел.

– Обязательно передайте ему, чтобы он пришел сюда завтра, – сказал Великан.

Но дети не знали, где живет тот маленький мальчик, да и вообще никогда его раньше не видели. И Великану стало ужасно грустно.

С тех пор дети приходили играть к Великану каждый день – как только заканчивались занятия в школе. Вот только полюбившийся ему маленький мальчик не появился больше ни разу. Великан был одинаково добр со всеми детьми, но не переставал тосковать о своем первом ма-

леньком друге и любил о нем разговаривать.

– Как бы мне хотелось его увидеть! – не раз повторял он.

Прошли годы, Великан состарился и подряхлел. Играть он больше не мог и только и делал, что целыми днями сидел в своем огромном кресле, наблюдая за играющими детьми и любуясь своим садом.

– У меня много красивых цветов, – говаривал он, – но самые красивые из них – это, конечно, дети.

Однажды зимним утром Великан, одеваясь, выглянул из окна. Нужно сказать, он больше не испытывал ненависти к Зиме, понимая, что Зима – это всего лишь еще не проснувшаяся Весна и что цветы зимой просто-напросто отдыхают. Вдруг он удивленно протер глаза, а потом стал пристально всматриваться. И действительно, то, что предстало его взору, могло бы изумить любого. В самом дальнем уголке сада появилось дерево, сплошь покрытое прекрасными белыми цветками. Его золотые ветви были увешаны серебряными плодами, а внизу стоял маленький мальчик, которого так полюбил Великан.

Охваченный радостью, Великан бросился вниз по лестнице к выходу, а оттуда в сад. Он не помнил, как добежал через всю лужайку до мальчика, но, оказавшись рядом, вдруг побагровел от гнева и вскричал:

– Кто посмел тебе нанести увечья?

Ибо на обеих ладонях ребенка были раны от гвоздей и такие же на обеих его ступнях.

– Кто посмел нанести тебе эти раны? – грозно повторил Великан. – Ты только скажи мне, и я возьму свой большой меч и убью негодяя.

– В этом нет нужды, – отвечал мальчик, – ведь это раны, причиненные Любовью.

– Так кто же ты? – спросил Великан, внезапно почувствовав благоговейный страх в присутствии младенца, и опустился пред ним на колени.

Мальчик улыбнулся Великому и промолвил:

– Как-то ты позволил мне играть в твоём саду, а сегодня я приглашаю тебя в свой сад, и имя этому саду – Рай.

А когда днем в сад прибежали дети, они увидели под деревом бездыханного Великана; он лежал, весь усыпанный белыми цветками.

Счастливый Принц

На верху огромной колонны, возвышаясь над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Он весь был покрыт тончайшими пластинками из чистого золота, глаза у него были из сверкающих сапфиров, а на рукоятке его шпаги сиял большой красный рубин.

Все восхищались Счастливым Принцем.

– Он красив, как флюгерный петушок, – промолвил один из Городских Советников, стараясь поразить окружающих своим изысканным художественным вкусом. – Только вот не так полезен, – поспешил он добавить, чтобы никто не подумал, будто человек он непрактичного склада ума, а это было бы сущей неправдой.

– Бери пример со Счастливого Принца, – урезонивала рассудительная мамаша своего малыша, плачущим голосом требующего с неба луну. – Он никогда не плачет и никого ни о чем не просит.

– Приятно знать, что на этом свете хоть кто-то счастлив, – пробормотал какой-то горемыка, не сводя глаз с прекрасной статуи.

– Он совсем как ангел! – восклицали приютские дети, выходя из собора в своих ярко-красных накидках и чистых белых передничках.

– Почему вы так решили? – удивился учитель математики. – Ведь вы никогда не видели ангелов.

– Нет, видели, – они нам снятся, – отвечали дети, и учитель математики сурово нахмурился: ему не нравилась привычка детей видеть сны.

Как-то перед самым наступлением ночи над городом пролетала маленькая Ласточка. Ее

подруги еще шесть недель назад улетели в Египет, она же задержалась, без памяти влюбившись в прекрасного Тростничка. Впервые она увидела его ранней весной, когда летала над речкой, гоняясь за большой желтой бабочкой, и столь пленилась его гибким, стройным станом, что решилась заговорить с ним.

– Ты мне позволишь любить тебя? – спросила Ласточка напрямик, не привыкнув ходить вокруг да около, и Тростничок ответил ей низким поклоном.

Тогда Ласточка принялась носиться вокруг него, то и дело задевая крыльями воду, отчего на ее поверхности вскипала серебристая рябь, – так Ласточка выражала свою любовь. И продолжалось это целое лето.

– Что за странное увлечение! – щебетали другие ласточки. – Он же совсем нищий, и у него такая многочисленная родня.

И в самом деле – вся река была в тростниках.

А потом пришла осень, и все ласточки улетели. Маленькая Ласточка почувствовала себя совсем одинокой, и любовь к Тростничку стала ее тяготить.

– Из него никогда и слова не вытянешь, – сказала она самой себе. – К тому же он постоянно заигрывает с Речной Волной.

И правда, стоило Речной Волне качнуться, как Тростничок начинал отвешивать ей грациознейшие поклоны.

– Нужно, конечно, признать, что он любит свой дом, – продолжала рассуждать Ласточка, – но я-то больше всего люблю путешествовать, а значит, и мужу моему должно было бы это нравиться.

– Согласен ли ты отправиться со мной в путь? – спросила она наконец у Тростничка, но тот лишь покачал головой – слишком он был привязан к своему дому.

– Значит, ты только играл моей любовью?! – воскликнула Ласточка. – Прощай же, меня ждут пирамиды.

И она улетела.

Летела она весь день и к ночи прилетела в город.

– Где бы мне остановиться на ночь? – сказала она. – Надеюсь, город готов меня принять подобающим образом?

И в этот момент она увидела статую на высокой колонне.

– Здесь-то я и расположусь! – воскликнула она. – Какое чудесное место! К тому же столько свежего воздуха!

С этими словами она опустилась к ногам Счастливого Принца.

– Какая у меня замечательная золотая спальня! – восхищенно прошептала она, оглядываясь вокруг, и приготовилась лечь спать, но только собралась спрятать голову под крыло, как на нее упала крупная капля.

– Вот странно! – поразилась она. – На небе ни облачка, и звезды так ярко блещут, а почему-то идет дождь. В самом деле, климат на севере Европы просто невыносим! Тростничку, правда, нравился дождь, но он ведь всегда думал только о себе.

В этот момент упала еще одна капля.

– Какой прок от статуи, если она не в состоянии защитить от дождя? – пробормотала Ласточка. – Поищу-ка лучше себе подходящую трубу на крыше.

И она решила улететь в другое место.

Но прежде чем она распростила крылья, на нее упала третья капля. Она посмотрела вверх и увидела... ах, в самом деле, что же она увидела?

Глаза Счастливого Принца были полны слез, и слезинки медленно скатывались по его золотым щекам. Лицо его в лунном сиянии было прекрасным, и сердце маленькой Ласточки дрогнуло от жалости.

– Кто ты? – спросила она.

– Счастливый Принц.

– Почему же ты тогда плачешь? – удивилась Ласточка. – Я из-за тебя вся промокла.

– Когда я был еще жив и в груди у меня билось человеческое сердце, – отвечала статуя, –

мне было неведомо, что такое слезы, ибо жил я в то время во Дворце Блаженства, куда никогда не допускались ни грусть, ни печаль. Дни я проводил в саду, играя в разного рода игры со своими приближенными, а по вечерам танцевал в Большом Зале, неизменно открывая бал. Сад со всех сторон был окружен высокой стеной, но мне и в голову не приходило спросить у кого-нибудь, что там, за его пределами, – настолько прекрасно было все вокруг меня. Придворные называли меня Счастливым Принцем, и я действительно был счастлив, если, конечно, считать, что счастье заключается в одних лишь удовольствиях. Так протекала вся моя жизнь, так она и закончилась. И вот теперь, когда я уже не живу на свете, меня установили здесь на такой высоте, что мне видны все ужасы и бедствия, творящиеся в моем городе, и пусть сердце мое из свинца, я не могу сдержать слез.

«Вот как – он, оказывается, не весь из золота!» – подумала про себя Ласточка (*она была слишком хорошо воспитана, чтобы произносить подобного рода личные наблюдения вслух*).

– Далеко отсюда, – продолжала статуя негромким, музыкальным голосом, – вон на той маленькой улочке, стоит жалкий, обветшалый домик. Одно из окон открыто, и я могу видеть сидящую у стола женщину. Лицо у нее исхудалое и изможденное, а руки огрубевшие, красные, сплошь исколотые иголкой, – и неудивительно: она ведь швея. Бедняжка сидит и вышивает голубые страстоцветы на атласном платье для прекраснейшей из фрейлин королевы к предстоящему придворному балу. А в углу комнаты на кровати лежит больной мальчик. У него жар, и он просит дать ему апельсин. Но матери, кроме речной воды, дать ему нечего, и поэтому он плачет. Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, прошу тебя, отнеси ей рубин – тот, что на рукоятке моей шпаги: ведь ноги мои наглухо прикованы к пьедесталу, и я не в состоянии сдвинуться с места.

– Но меня уже заждались в Египте, – отвечала Ласточка. – Мои подружки летают над водами Нила и беседуют с великолепными цветками лотоса. Вскоре они отправятся спать в гробницу Великого Фараона. Внутри, в богато украшенном гробу, покоится сам Фараон. Он запеленат в желтое полотно и пропитан благовонными веществами. На шее у него ожерелье из бледно-зеленого нефрита, а руки его похожи на увядшие листья.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, – снова заговорил Принц, – прошу тебя, останься на ночь и исполни мою просьбу! Мальчика так сильно мучит жажда, а мать его полна такой безутешной печали!

– Не могу сказать, что люблю мальчишек, – отвечала Ласточка. – Летом, когда я жила на реке, двое невоспитанных юнцов, сыновей мельника, все время бросали в меня камнями. Хотя, конечно, ни разу в меня не попали – слишком уж мы, ласточки, для них проворны, а, кроме того, все в нашей семье испокон веков славилось особой ловкостью, – и все-таки это было проявлением явного неуважения.

Но у Счастливого Принца был такой печальный вид, что Ласточка сжалилась над ним.

– Очень уж здесь холодно, – произнесла она, – но я, пожалуй, задержусь на одну ночь и исполню твою просьбу.

– Благодарю тебя, маленькая Ласточка, – отозвался Принц.

Выклевав из шпаги Принца большой рубин, Ласточка, держа свою ношу в клюве, полетела над крышами города. По пути она миновала украшенную беломраморными ангелами колокольню собора и пролетела над дворцом, откуда доносились звуки музыки. На балкон, в сопровождении своего возлюбленного, вышла прекрасная девушка.

– Как чудесны эти звезды! – воскликнул юноша. – И как замечательно быть во власти любви!

– Надеюсь, мое платье будет готово к большому балу, – услышал он в ответ. – Я распорядилась вышить на нем страстоцветы, но эти швеи такие ленивые.

Пролетая над рекой, Ласточка видела фонари, подвешенные к корабельным мачтам, а миная гетто, успела рассмотреть старых евреев, торгующихся друг с другом и отвешивающих монеты на медных чашах весов. Наконец она долетела до домика и, заглянув в окно, увидела метавшегося в лихорадке мальчика и его уснувшую от усталости мать. Ласточка впорхнула в комнату и опустила рубин на стол рядом с наперстком швеи. Затем стала летать над кроватью, обмахивая крыльями лоб мальчика.

– Мне уже совсем не жарко! – произнес мальчик. – Наверно, я выздоравливаю.

И он погрузился в сладкий сон.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему о том, что сделала.

– Вот странно, – добавила она, закончив рассказ, – на улице холод, а мне почему-то тепло.

– Это потому, что ты совершила доброе дело, – сказал Принц.

Маленькая Ласточка стала размышлять над его словами и незаметно уснула: размышления всегда нагоняли на нее сон.

Когда наступил новый день, она слетала к реке и искупалась.

– Какое удивительное явление! – поразился Профессор Орнитологии, как раз проходивший в то время по мосту. – Подумать только: ласточка – хотя на дворе зима!

И он написал об этом длинную статью в местную газету. Все потом цитировали ее, потому что в ней было так много непонятных слов.

– Сегодня лечу в Египет! – сказала Ласточка, и от этой мысли у нее сразу поднялось настроение.

Весь день она осматривала достопримечательности города, а потом долго сидела на вершине церковной колокольни. И где бы она ни появлялась, воробьи тут же начинали чирикать, говоря друг другу:

– Какая благородная внешность у этой незнакомки!

Слышать это Ласточке было очень приятно.

А когда взошла луна, Ласточка снова вернулась к Счастливому Принцу.

– Тебе ничего не нужно в Египте? – крикнула она ему на лету. – Я сейчас отправляюсь в путь.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, – сказал Принц, – прошу тебя, останься еще на одну ночь.

– Но меня давно уже ждут в Египте, – отвечала ласточка. – Завтра мои подруги летят на Второй Каскад Водопадов. Там, среди тростниковых зарослей, лежат притаившись бегемоты, а на величественном гранитном троне восседает сам Бог Мемнон. Всю ночь напролет он взирает на звезды, а когда воссияет на небе утренняя звезда, он издает ликующий возглас, затем умолкает вновь. К полудню спускаются к реке на водопой желтые львы. Глаза их зелены, как бериллы, а рев их оглушительней, чем рев водопада.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, – снова проговорил Принц, – там, в другом конце города, я вижу юношу в каморке на чердаке. Он сидит низко склонившись над заваленным бумагами столом; рядом с ним, в стакане, букет увядших фиалок. Волосы у юноши каштановые, вьющиеся, губы ярко-красные, как гранат, а глаза огромные и мечтательные. Ему непременно нужно закончить пьесу для Директора Театра, но он так озяб, что не может больше писать. В камине давно уже не пылает огонь, и юноша вот-вот сомлеет от голода.

– Ладно, я останусь еще на одну ночь, – сказала Ласточка, у которой было на редкость доброе сердце. – Юноше я тоже должна отнести рубин?

– Увы, у меня нет больше рубинов, – отвечал Принц. – Мои глаза – вот и все, что у меня осталось. Они сделаны из редчайших сапфиров, доставленных из Индии еще тысячу лет назад. Выклюй один из них и отнеси тому юноше, а он продаст сапфир ювелиру, купит дров и закончит свою пьесу.

– Но, милый Принц, – сказала Ласточка, – я не могу этого сделать.

И она заплакала.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, – настаивал Принц, – сделай, как тебя просят.

И Ласточка, выклевав у Принца глаз, полетела к жилищу юноши. В крыше зияла дыра, так что проникнуть в каморку не составляло труда. Юноша сидел, обхватив голову руками, и не слышал шелеста птичьих крыльев, а когда поднял глаза, обнаружил великолепный сапфир, лежащий на завядших фиалках.

– Меня, кажется, начинают признавать! – воскликнул он. – Это, наверно, от кого-то из моих почитателей. Теперь я наконец смогу завершить свою пьесу!

И лицо его просияло счастьем.

На следующий день Ласточка побывала в гавани. Усевшись на мачту большого корабля, она наблюдала, как матросы с помощью веревок вытаскивают огромные ящики из трюма.

– Раз-два, взяли! – кричали они каждый раз, как очередной ящик показывался над трюмом.

– Я улетаю в Египет! – крикнула им Ласточка, но никто не обратил на нее никакого внимания. А когда взошла луна, Ласточка вновь возвратилась к Счастливому Принцу.

– Я прилетела проститься с тобой! – крикнула она ему на лету.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, – сказал Принц, – прошу тебя, останься еще на одну ночь.

– Но уже ведь зима, – отвечала Ласточка, – и скоро пойдет студеный снег. А в Египте зеленые пальмы нежатся на теплом солнце, в тине лежат крокодилы и лениво озираются по сторонам. Мои подружки начали уже вить гнезда в Храме Баальбек, и бело-розовые голуби наблюдают за их работой и воркуют между собой. Милый Принц, я здесь больше не могу оставаться, но я никогда тебя не забуду и, как только наступит весна, принесу тебе из дальних краев два прекраснейших драгоценных камня взамен тех, которые ты подарил этим бедным людям. Рубин мой будет краснее алых роз, а сапфир голубее полуденного моря.

– Внизу, на этой площади, – сказал Счастливый Принц, – стоит маленькая продавщица спичек. Она уронила все до единой спички в сточную канаву, и теперь они непригодны для употребления. Если девочка придет домой без выручки, отец поколотит ее, поэтому она горько плачет. На ней нет ни башмаков, ни чулок, и голова ее непокрыта. Выключь мой другой глаз и отдай сапфир девочке, тогда отец не станет ее бить.

– Ладно, я задержусь еще на одну ночь, – сказала Ласточка, – но разве я могу выклевывать твой второй глаз? Ты ведь станешь тогда слепым.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, – настаивал Принц, – сделай, как тебя просят.

И она повиновалась: выклевала у Принца второй глаз и, устремившись вниз, к девочке, на лету вложила сапфир ей в руку.

– Какое красивое стеклышко! – воскликнула девочка и, весело смеясь, побежала домой.

А Ласточка вновь подлетела к Принцу и сказала:

– Теперь ты слепой, поэтому я никогда тебя не покину.

– Нет, маленькая Ласточка, – отвечал бедный Принц, – тебе нужно лететь в Египет.

– Я навсегда останусь с тобой, – снова сказала Ласточка и, устроившись у его ног, заснула.

А весь следующий день она провела сидя на плече у Принца и рассказывая ему о разных диковинках, которые ей довелось повидать в заморских краях: и о красных ибисах, длинными рядами выстроившихся по берегам Нила и ловко выхватывающих своими кривыми клювами из воды золотых рыбок; и о древнем, как сам мир, Сфинксе, живущем в пустыне и знающем все на свете; и о купцах, неторопливо шествующих рядом со своими верблюдами и непрерывно перебирающих янтарные четки в руках; и о черном, как эбеновое дерево, Властелине Лунных Гор, поклоняющемся Священному Кристаллу; и об исполинском Зеленом Змее, спящем на пальмовом дереве и питающемся медовыми пряниками, которыми его кормят двадцать жрецов; и о пигмеях, плавающих по большому озеру на огромных плоских листьях и непрерывно воюющих с бабочками.

– Милая моя Ласточка, – сказал на это Принц, – ты поведала мне о вещах поразительных, но разве что-нибудь поражает больше, чем людские страдания? Самые удивительные чудеса в мире – ничто по сравнению с горем одного человека. Полетай-ка над моим городом, маленькая Ласточка, а потом расскажешь мне, что увидела.

И Ласточка принялась летать над огромным городом. Она видела, как богатые веселятся в своих роскошных жилищах, в то время как нищие просят милостыню у их ворот. Пролетая темными переулками, она видела у окон бледные лица изголодавшихся детей, безучастно глядевших на безрадостную улицу. Под аркой моста, крепко прижавшись друг к другу и таким образом пытаясь согреться, лежали два мальчика.

– Как хочется есть! – то и дело хныкали они.

– Здесь лежать запрещается! – крикнул им ночной сторож, и им пришлось выбираться под дождь.

Потом Ласточка полетела обратно и рассказала Принцу все, что видела.

– Я весь покрыт чистым золотом, – сказал, выслушав ее, Принц. – Ты должна его снять с меня, пластинку за пластинкой, и раздать бедным. Люди ведь думают, что с золотом приходит счастье.

И вот Ласточка принялась снимать со Счастливого Принца покрывавшее его чистое золото – пластинку за пластинкой, пока Принц не потерял блеск и не стал совсем серым. Эти золотые пластинки, одну за другой, разносила она беднякам, и вскоре щеки детишек порозовели, они начали смеяться и играть на улице.

– У нас теперь вдоволь хлеба! – говорили они.

А потом выпал снег и ударил мороз. Казалось, будто улицы стали серебряными – так они сияли и сверкали на солнце, а с карнизов крыш, напоминая хрустальные кинжалы, свисали длинные сосульки. Все облачились в шубы, а мальчишки, нахлобучив на головы ярко-красные шапочки, скользили на коньках по льду.

Бедной Ласточке становилось все холоднее и холоднее, но она и не думала покидать Принца – такова была сила ее любви к нему. Жила она тем, что подбирала у булочной крошки, когда пекарь не смотрел в ее сторону, и, стараясь согреться, трепыхала крылышками.

Но наконец она почувствовала, что час ее близок. Собрав последние силы, она поднялась к Принцу и села ему на плечо.

– Прощай, милый Принц! – прошептала она. – Можно, я поцелую тебе руку?

– Как я рад, что ты наконец-то летишь в Египет, маленькая Ласточка, – сказал Принц, – уж слишком надолго ты здесь задержалась. Поцелуй меня лучше в губы, я ведь люблю тебя.

– Я отправляюсь не в Египет, – едва слышно проговорила Ласточка, – а в Царство Смерти, но Смерть ведь – родная сестра Сна, не правда ли?

И, поцеловав Счастливого Принца в губы, Ласточка замертво упала к его ногам.

В тот самый момент внутри статуи раздался какой-то треск, как если бы там что-то лопнуло: это надвое расколосось свинцовое сердце. Мороз в ту пору и впрямь был лютой.

А на следующее утро внизу, по площади, шел Мэр города в сопровождении Городских Советников. Проходя мимо колонны, он поднял голову и, взглянув на статую, воскликнул:

– Бог ты мой, до чего же ободранный вид у Счастливого Принца!

– И в самом деле, ободранный! – подхватили слова Мэра Городские Советники, привыкшие всегда и во всем соглашаться с ним.

И они подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть Принца.

– Из шпаги его выпал рубин, глаз не осталось, и он больше не золотой, – сказал Мэр. – Право же, он выглядит ничем не лучше нищего!

– И действительно, ничем не лучше, – согласились Советники.

– Мало того, у его ног лежит мертвая птица, – продолжал Мэр. – Нам придется принять специальное постановление, строго запрещающее пернатым умирать на городской площади.

И Секретарь Мэрии сделал в своей книге соответствующую запись на этот счет.

Вскоре статую Счастливого Принца убрали с колонны.

– Раз он перестал быть прекрасным, значит, сделался бесполезным, – сказал по этому поводу Университетский Профессор-Искусствовед.

Статую переплавили в плавильной печи, и Мэр провел срочное заседание Муниципалитета для решения вопроса о том, что делать с полученным металлом.

– Нам на этом месте нужна другая статуя, – заявил Мэр, – и лучше всего, если мы из переплавленного металла отольем меня.

– Меня, меня... – повторяли вслед за ним Городские Советники, и между ними разгорелся жаркий спор.

В последний раз, когда я слышал о них, они все еще продолжали спорить.

– Странное дело! – удивился Старший Мастер литейного цеха. – Это расколотое свинцовое сердце абсолютно не поддается переплавке в печи. Придется его выбросить!

И сердце Счастливого Принца выбросили на мусорную свалку, где уже лежала мертвая Ласточка.

– Принеси мне две самые ценные вещи, которые ты только найдешь в этом городе, – повелел Господь Бог одному из своих Ангелов, и принес ему тот Ангел расколотое сердце из свинца и маленькую мертвую птицу.

– Ты сделал правильный выбор, – сказал Господь, – так пусть же эта малая пташка отныне и во веки веков распевает в моем Райском Саду, а Счастливый Принц пусть вечно воздает мне хвалу в моем Золотом Граде.

Соловей и Роза

– Она сказала: «Принеси мне красных роз, и я буду танцевать с тобой», – воскликнул молодой Студент, – но во всем моем саду нет ни одной красной розы.

Его услышал Соловей, сидевший на дубе, и удивленно выглянул из листвы.

– Ни одной красной розы во всем моем саду! – продолжал молодой Студент, и его прекрасные глаза наполнились слезами. – Ах, от каких пустяков зависит счастье человека! Я прочел все, что написали мудрые люди, мне открылись все тайны философии, и тем не менее я чувствую себя несчастным потому только, что у меня нет красной розы.

– Наконец-то передо мной настоящий влюбленный, – сказал Соловей. – Ночь за ночью я пел о нем, хоть и не знал его, ночь за ночью я рассказывал о нем звездам, и вот теперь я вижу его. Волосы его темны, как цветок гиацинта, губы его алы, как роза, от которой зависит его счастье, но страсть сделала лицо его бледным, подобно слоновой кости, и скорбь наложила печать на его чело.

– Завтра вечером принц дает бал, – промолвил молодой Студент, – и моя возлюбленная будет среди приглашенных. Если я принесу ей красную розу, она будет танцевать со мной до рассвета. Если я принесу ей красную розу, я буду держать ее в своих объятиях, и она склонит голову ко мне на плечо, а моя рука будет сжимать ее руку. Но в моем саду нет красных роз, и я буду сидеть на балу в одиночестве, а она пройдет мимо, не заметив меня, и мое сердце разорвется от горя.

– Да, вот он, настоящий влюбленный, – сказал Соловей. – То, о чем я пою, он переживает на самом деле; то, что для меня радость, для него страдание. Поистине, любовь – это чудо. Она драгоценнее изумрудов и дороже прекраснейших из опалов. Жемчуга и гранаты не могут купить ее, и она не продается на рынке. Ее не приобретешь за деньги у негоциантов, и ее не отпускают на вес золота.

– На хорах будут играть музыканты, – продолжал молодой Студент, – и моя любимая будет танцевать под звуки их арф и скрипок, порхая по залу с такой легкостью, что ноги ее даже не коснутся паркета, и придворные в ярких одеждах будут так и виться вокруг нее. Но со мной она не станет танцевать, потому что я не смогу ей подарить красную розу.

И юноша бросился на траву, закрыл лицо руками и заплакал.

– О чем он плачет? – спросила маленькая зеленая Ящерица, проползавшая, извивая свой хвост, мимо Студента.

– И в самом деле, о чем? – подхватил Мотылек, порхавший в погоне за солнечным лучиком.

– Да, о чем? – спросила Маргаритка у своей соседки едва слышным нежным шепотом.

– Он плачет о красной розе, – ответил Соловей.

– О красной розе? – удивились они. – Что за нелепость!

И маленькая Ящерица, особа довольно циничная, бесцеремонно рассмеялась.

Одному только Соловью была понятна печаль Студента; он молча сидел на Дубе и размышлял о таинствах Любви.

Внезапно он расправил свои коричневые крылышки и взмыл в воздух. Он пролетел над рощей, как тень, и тенью проплыл над садом.

Посреди зеленой лужайки стоял прекрасный Куст Роз, и Соловей, увидев его, подлетел к нему и опустил на одну из веток.

– Дай мне красную розу, – воскликнул Соловей, – и я спою тебе сладчайшую из своих пе-

сен!

Но Куст покачал головой.

– Мои розы белые, – отвечал он, – белые, как морская пена, белее снега на вершинах высоких гор. Лети к моему брату, что растет подле старых солнечных часов, – может быть, он даст тебе то, о чем ты просишь.

И Соловей полетел к Кусту Роз, что рос подле старых солнечных часов.

– Дай мне красную розу, – воскликнул Соловей, – и я спою тебе сладчайшую из своих песен!

Но Куст покачал головой.

– Мои розы желтые, – отвечал он, – желтые, как волосы наяды, восседающей на янтарном престоле, желтее нарциссов на еще не скошенном лугу. Лети к моему брату, что растет под окном у Студента, – может быть, он даст тебе то, о чем ты просишь.

И Соловей полетел к Кусту Роз, что рос под окном у Студента.

– Дай мне красную розу, – воскликнул Соловей, – и я спою тебе сладчайшую из своих песен!

Но Куст покачал головой.

– Мои розы красные, – отвечал он, – красные, как лапки у голубя, краснее кораллов, что непрестанно колыхнутся, подобно вееру, в пещерах на дне океана. Но кровь в моих жилах застыла от зимней стужи, мои бутоны побил мороз, ветки мои обломала буря, и в этом году у меня не будет роз.

– Одна красная роза – вот все, что мне нужно, – воскликнул Соловей. – Одна-единственная красная роза! Неужели нет способа, который помог бы мне раздобыть ее?

– Есть, – ответил Куст, – но он настолько ужасен, что я не решаюсь назвать его.

– Назови мне его, – взмолился Соловей, – я не боюсь.

– Если тебе нужна красная роза, – молвил Куст, – ты должен сам сотворить ее из звуков музыки при лунном сиянии и обогреть ее кровью своего сердца. Ты должен мне петь, прикинув грудью к моему шипу. Ты должен мне петь всю ночь, и мой шип пронзит твое сердце, и твоя живая кровь перельется в мои жилы и станет моей.

– Смерть – слишком большая цена за одну красную розу, – воскликнул Соловей, – ведь Жизнь – самое дорогое, что у нас есть! Как хорошо, сидя в лесу на дереве, любоваться Солнцем в его золотой колеснице и Луною в ее колеснице из жемчуга! Как сладко благоухание боярышника, как прекрасны синие колокольчики, притаившиеся в долине, и вереск, цветущий на склонах холмов! И все же Любовь дороже Жизни, и сердце какой-то пташки – ничто в сравнении с человеческим сердцем!

И Соловей, взмахнув коричневыми крылышками, взмыл в воздух. Он тенью проплыл над садом и, как тень, пролетел над рощей.

Молодой Студент по-прежнему лежал в траве, где его оставил Соловей, и слезы еще не высохли на его прекрасных глазах.

– Не печалься! – крикнул ему Соловей. – Не печалься, будет у тебя красная роза. Я сотворю ее из звуков музыки при лунном сиянии и обогреть ее кровью своего сердца. Взамен я прошу тебя об одном: будь верен своей любви, ибо, как ни мудра Философия, Любовь мудрее ее, и, как ни могущественна Власть, Любовь сильнее ее. Крылья у Любви – цвета пламени, и пламенем окрашено тело ее. Уста ее сладки как мед, а дыхание ее подобно ладану.

Студент слушал Соловья, подняв голову, но не понял ни слова, ибо смыслил лишь в том, что написано в книгах.

А вот Дуб понял все и опечалился, потому что был очень привязан к маленькой птичке, любившей сидеть на его ветвях.

– Спой мне свою песню в последний раз, – прошептал он. – Мне будет без тебя так одиноко.

И Соловей спел для Дуба, и пение его было подобно журчанию воды, льющейся прозрачной струей из серебряного кувшина.

Когда Соловей закончил свою песню, Студент встал с травы и извлек из кармана записную

книжку и карандаш.

– Да-а, – сказал он себе, направляясь из роши домой, – формой он владеет безукоризненно, этого у него не отнимешь. Но есть ли в его пении чувство? Боюсь, что нет. В сущности, он такой же, как все художники: один только стиль и ни капли искренности. Он не способен принести себя в жертву другому. Он думает лишь о музыке, а всякий ведь знает, что искусство эгоистично. Впрочем, нельзя не признать, что иные из его трелей поразительно благозвучны. Какая жалость, что в них нет ни малейшего смысла и от них нет никакого проку.

Придя к себе домой, он лег на узкую, убогую койку и стал думать о своей любви, а спустя некоторое время незаметно погрузился в сон.

Когда на небе засияла Луна, Соловей прилетел к Кусту Красных Роз и, сев на ветку, приникнул грудью к шипу. Всю ночь он пел, прижавшись грудью к шипу, и холодная хрустальная Луна слушала его песнь, обратив к нему свой лик. Всю ночь он пел, а шип вонзался все глубже и глубже в его грудь, и из нее по каплям струилась живая, алая кровь.

Он пел о том, как в сердцах юноши и девушки зарождается чувство. И по мере того, как он пел, на самом верхнем побеге Куста начала распускаться великолепная роза – лепесток за лепестком, под звуки трелей, следующих одна за другой. Сперва роза была бледной, как легкий туман над рекой, бледной, как первые шаги утренней зари, и серебристой, как крылья рассвета. Отражением розы в серебряном зеркале, отражением розы в покойной воде – вот чем была роза, распускавшаяся на верхнем побеге Куста.

А Куст крикнул Соловью, чтобы тот еще крепче прижался к шипу.

– Прижмись еще крепче, Соловушка, – кричал он, – не то день наступит раньше, чем заалет роза!

Все крепче и крепче прижимался Соловей к шипу, все громче и громче звучала его песня, ибо пел он о зарождающейся страсти в душе юноши и девушки.

И лепестки розы стали окрашиваться в нежный розовый цвет, как щеки у жениха, когда он целует в губы свою невесту. Но шип еще не достиг сердца Соловья, и сердцевина розы все еще оставалась белой, ибо только кровь соловьиного сердца может обогреть сердце розы.

И снова Куст крикнул Соловью, чтобы тот еще крепче прижался к шипу.

– Прижмись еще крепче, Соловушка, – кричал он, – не то день наступит раньше, чем заалет роза!

И Соловей еще сильнее прижался к шипу, и острое коснулось его сердца, и все его тело пронзила острая боль. Все мучительнее и мучительнее становилась боль, все отчаяннее и отчаяннее становилась его песнь, ибо пел он о Любви, что обретает совершенство в Смерти, о Любви, что не умирает в могиле.

И стала алой великолепная роза – цвета утренней зари на востоке. Алым сделался ее распускающийся венчик, и алой, как рубин, сделалась ее сердцевина.

А голос Соловья становился все слабее, крылья его начали судорожно трепыхаться, глаза заволокло пеленой. Песня его угасала, и он чувствовал, как что-то сдавливает ему горло.

И вот он испустил свою последнюю трель. Ее услышала бледная Луна и, забыв о рассвете, застыла на небе. Ее услышала красная роза и, вся затрепетав в экстазе, раскрыла свои лепестки навстречу прохладному утреннему ветерку. Эхо донесло соловьиную трель до темно-фиолетовой пещеры в горах и пробудило спавших там пастухов. Трель пробежала по затрепетавшим тростникам на реке, передалась через них воде, и волны донесли ее до самого моря.

– Смотри, смотри! – воскликнул Куст. – Твоя роза стала красной!

Но Соловей ничего не ответил. Он лежал в высокой траве, бездыханный, с острым шипом в сердце.

В полдень Студент распахнул окно и выглянул в сад.

– Боже, какая удача! – воскликнул он. – Вот она, моя красная роза! В жизни не видел такой восхитительной розы! Она настолько прекрасна, что у нее, несомненно, длинное латинское имя.

И, перевесившись через подоконник, он сорвал красную розу. Потом надел шляпу и побежал к дому Профессора, держа розу в руках.

Дочь Профессора сидела у порога дома и наматывала на катушку голубую шелковую нить.

У ног девушки лежала маленькая собачка.

– Вы обещали танцевать со мной, если я принесу вам красную розу! – радостно воскликнул Студент. – Вот вам красная роза – самая красная на свете! Приколите ее у самого сердца, и, когда мы будем танцевать, она расскажет вам, как я вас люблю.

Но девушка ответила хмурясь:

– Боюсь, эта роза не подойдет к моему платью, к тому же племянник гофмейстера прислал мне настоящие драгоценности, а всякому известно, что драгоценности дороже цветов.

– Ах, как вы неблагодарны! – гневно воскликнул Студент и швырнул розу на землю.

Роза упала в дорожную колею, и по ней проехало колесо телеги.

– Неблагодарна? – возмутилась девушка. – Какой же вы грубиян! Да и кто вы такой, в конце концов? Всего лишь студентиска. Сомневаюсь, чтобы у вас были такие же серебряные пряжки на туфлях, как у племянника гофмейстера.

Она встала со стула и пошла в дом.

«Какая все-таки глупость эта Любовь, – размышлял Студент, возвращаясь домой. – От нее и наполовину нет той пользы, какую получаешь от изучения Логике, ибо любовь ничего не доказывает, сулит тебе то, что никогда не сбывается, и заставляет верить в нереальные вещи. В сущности своей она совершенно непрактична, а так как мы живем в практический век, то вернусь я лучше к Философии и займусь изучением Метафизики».

И, возвратившись к себе в комнату, он достал большую пыльную книгу и принялся штудировать ее.

Из сборника «Гранатовый домик»

День рождения Инфанты

Посвящается миссис Уильям Х. Гренфелл (леди Дезборо), Тэплов-Корт

Это произошло в день рождения Инфанты. Ей исполнилось двенадцать лет, и солнце, будто радуясь этому событию, ярко светило в дворцовых парках.

Хоть она и была Инфантой, принцессой испанской, день рождения она, как и дети простолюдинов, отмечала лишь один раз в году. Поэтому вся страна молилась о том, чтобы погода в этот день была ясной и солнечной. И день в самом деле выдался на редкость погожий. Полосатые тюльпаны на высоких стеблях стояли навтыжку, словно длинные шеренги солдат, и, с вызовом поглядывая через газон на розы, громко, чтобы те могли их услышать, восклицали: «Мы ничем вас не хуже!» С цветка на цветок перепархивали пурпурные бабочки, поблескивая золотистой пылью на крыльях; из трещин в стене выползли маленькие ящерицы и, застыв в грациозных позах, грелись на ослепительно белом солнце; от нестерпимого зноя растрескивались плоды гранатов, обнажая свои кровоточащие красные сердца. Бледно-желтые лимоны, в изобилии свисавшие с почерневших от времени переплетов решеток, выстроившихся по всей длине сумрачных аркад, размяклились под щедрым солнечным светом, а на магнолиях раскрылись цветки, огромные, шарообразные, словно выточенные из слоновой кости, наполнив воздух сладким, густым ароматом.

А сама маленькая принцесса прогуливалась вместе со своими друзьями по террасе. Пройдясь несколько раз в одну сторону, затем в другую, они затеяли игру в прятки – благо недостатка в каменных вазах и старых, замшелых статуях, за которыми удобно прятаться, на террасе не было. В обычные дни ей разрешалось общаться только с детьми своего ранга, так что она вынуждена была играть в одиночестве, но в день ее рождения делалось исключение, и, по распоряжению Короля, она могла приглашать к себе своих юных друзей – всех, кто ей нравился. Была какая-то горделивая грация в плавных движениях этих стройных испанских детей. Головы мальчиков украшали шляпы с большими перьями, на плечи были накинуты короткие развевающиеся плащи; девочки одной рукой придерживали шлейфы своих длинных парчовых платьев, а другой за-

слоняли глаза от солнца огромными серебристо-черными веерами. Но Инфанта была самой из них грациозной, и одежда ее отличалась особенно безукоризненным вкусом, насколько это позволяла тяжеловесная мода того времени. Ее мантия была из серого атласа, нижняя часть платья и широкие рукава с буфами щедро расшиты серебром, а жесткий корсаж усыпан рядами отборных жемчужин. При каждом шаге из-под ее платья выглядывали крохотные туфельки, украшенные крупными красными розетками. В руке она держала большой кружевной веер розовато-жемчужного цвета, а в волосы, золотистым ореолом обрамлявшие ее бледное маленькое лицо, была вде́та прекрасная белая роза.

Из окна дворца за играющими детьми грустно наблюдал Король. Сзади стоял его брат, дон Педро Арагонский, которого он ненавидел, а рядом сидел великий инквизитор Гранады,¹ его духовник. Король был даже печальнее, чем обычно. Глядя на Инфанту, то с детской серьезностью раскланивающуюся с придворными, то смеющуюся, закрывшись веером, над приставленной к ней мрачной герцогиней Альбукеркской, он думал о матери девочки, молодой Королеве, которая, как ему казалось, совсем недавно приехала из веселой Франции. Через полгода после рождения дочери, увянув среди мрачного великолепия испанского двора, она отошла в иной мир, так и не успев во второй раз увидеть цветущий миндаль в саду и сорвать плоды со старой искривленной смоковницы, стоящей в самом центре поросшего теперь травой внутреннего двора замка. Король, любовь которого к Королеве была поистине безгранична, не мог примириться с тем, что могила навеки скроет от него облик любимой, и один мавританский врач забальзамировал ее, в награду за что ему даровали жизнь, которой Святая палата² собиралась лишить его, как поговаривали, за еретические мысли и по подозрению в колдовстве. Тело Королевы покоилось теперь на устланном гобеленами катафалке в дворцовом склепе из черного мрамора, и она выглядела точно так же, как в тот ветреный мартовский день, почти двенадцать лет назад, когда ее водрузили туда внесшие гроб монахи. Неизменно раз в месяц, плотно завернувшись в темный плащ, с притушенным фонарем в руке, Король входил в склеп и, опустившись на колени у изголовья катафалка, печально взывал к покойной супруге: «*Mi reina! Mi reina!*»³ Порой, в нарушение формального этикета, определяющего в Испании манеру поведения каждого человека и даже ограничивающего пределы скорби для самого Короля, он в безысходном горе лихорадочно сжимал ее бледные, украшенные драгоценностями руки и покрывал иступленными поцелуями ее холодное, накрашенное лицо, пытаясь пробудить ее к жизни.

Сейчас он смотрел в окно, а видел ее, свою Королеву, такой, какой она впервые предстала перед ним в замке Фонтенбло.⁴ Тогда ему едва исполнилось пятнадцать лет, а она была и того моложе. Вскоре они были по всей форме обручены папским нунцием⁵ в присутствии французского короля и всего его двора, и он возвратился в Эскориал,⁶ увезя с собой локон золотистых волос и память о детских губах, на мгновение прильнувших к его руке, когда он садился в карету. Затем последовало бракосочетание, спешно совершенное в Бургосе, маленьком городке на границе обеих стран, и состоялся грандиозный, при огромном стечении народа, въезд в Мадрид, где, согласно обычаю, отслужили торжественную мессу в церкви Ла-Аточа, после чего с невиданным дотоле размахом свершили аутодафе,⁷ для чего в руки светской власти было передано

¹ Великий инквизитор Гранады – возглавлял в испанской провинции Гранада инквизицию, учреждение с судебнопольцейскими функциями, подчинявшееся Папе римскому и боровшееся с еретиками.

² Святая палата – официальное название инквизиции.

³ *Mi reina! Mi reina!* – Моя Королева! Моя Королева! (исп.)

⁴ Фонтенбло – замок под Парижем, летняя резиденция французских королей.

⁵ Папский нунций – постоянный представитель Папы римского в государствах, с которыми Папа поддерживает официальные дипломатические отношения.

⁶ Эскориал – резиденция испанских королей недалеко от Мадрида.

⁷ Аутодафе – оглашение и приведение в исполнение приговоров инквизиции с последующим публичным сожже-

почти триста еретиков – среди них много англичан, – которые и были сожжены на площади.

Король безумно любил свою Королеву, и это, как многие считали, шло во вред интересам страны, воевавшей в то время с Англией за владения в Новом Свете. Он не отпускал ее от себя ни на шаг, из-за нее забросил государственные дела, с поразительной слепотой, присущей людям, находящимся под влиянием страсти, не замечая, что пышные церемонии, которыми он старался доставить ей удовольствие, лишь усиливают ее загадочную болезнь. Когда она умерла, Король на какое-то время словно лишился рассудка. Нет никаких сомнений, что он официально отрекся бы от престола и удалился бы в большой монастырь траппистов⁸ в Гранаде, номинальным приором которого он являлся, если бы не боялся оставить маленькую Инфанту во власти брата, поражавшего своей жестокостью даже привычную ко всему Испанию и повинного, как подозревали многие, в смерти Королевы через посредство отравленных перчаток, приподнесенных ей во время ее пребывания в его арагонском замке. Даже по истечении трех лет официального траура, объявленного во всех испанских владениях специальным королевским эдиктом, Король останавливал любые разговоры своих министров о новом супружестве, и, когда сам Император направил к нему послов с предложением руки своей племянницы, прекрасной эрцгерцогини Богемской, он велел передать их повелителю, что Король Испании уже обвенчан со Скорбью, и, хотя она не принесет ему потомства, он любит ее больше Красоты; ответ этот стоил его короне богатых нидерландских провинций, которые вскоре восстали против него, подстрекаемые Императором и руководимые фанатиками реформистской церкви.

За то недолгое время, что он смотрел на играющую на террасе Инфанту, перед ним прошла вся его супружеская жизнь, с ее неистово-жгучими радостями и мучительной болью ее внезапного завершения. Его дочь удивительно напоминала Королеву и своей забавной манерой сердиться, и тем, как она своенравно вскидывала голову, и тем, как горделиво кривила красивые губы, и своей чудесной улыбкой – поистине *vrai sourire de France*,⁹ – когда она время от времени бросала взгляд на окно, в которое он на нее смотрел, или протягивала свою маленькую руку кому-нибудь из величественных испанских грандов для поцелуя. Но пронзительный смех детей неприятно резал ему слух, яркое безжалостное солнце глумилось над его печалью, а неуловимый запах диковинных снадобий, которые применяют при бальзамировании, лишал утренний воздух свежести – впрочем, это ему могло только чудиться. Он закрыл лицо руками, и, когда Инфанта в очередной раз посмотрела наверх, Король уже ушел, а окно было задернуто шторами.

Она состроила разочарованную гримаску и недовольно передернула плечами. Уж в ее день рождения он мог бы уделить ей больше внимания. Кому нужны эти дурацкие государственные дела? А может быть, он отправился в этот мрачный склеп, где всегда горят свечи и куда ее никогда не пускают? Как глупо с его стороны это делать, да еще в такой солнечный день, когда все вокруг так счастливы! К тому же он пропустит игрушечный бой быков, на который как раз сейчас приглашали звуки трубы, не говоря уже о кукольном представлении и других чудесных вещах. Вот дядя и великий инквизитор – те ведут себя намного разумнее. Они уже вышли на террасу и успели наговорить ей массу приятных комплиментов. Решительно вскинув хорошенькую голову, она взяла дону Педро за руку и, неторопливо спустившись по ступенькам с террасы, направилась вместе с ним к воздвигнутому в конце сада продолговатому шатру из пурпурного шелка, а за нею последовали и остальные дети, строго соблюдая порядок, определяемый знатностью их рода, так что первыми шли те, у кого были самые длинные имена.

* * *

нием еретиков.

⁸ Трапписты – орден римско-католической церкви, основанный в местечке Солиньи ля Трапп (Франция) в 1140 г. Его устав отличался необычайной суровостью: трапписты подолгу молились, подвергали себя изнурительным постам, занимались тяжелым физическим трудом и почти все время хранили молчание.

⁹ *Vrai sourire de France* – настоящей улыбкой Франции (фр.).

Ее встречала процессия юных грандов, облаченных в фантастические костюмы тореадоров. Молодой граф Тьерра-Нуэва, поразительно красивый мальчик лет четырнадцати, обнажив голову со всей грацией, присущей благородным испанским идадьго,¹⁰ торжественно проводил ее к маленькому креслу из позолоченной слоновой кости, водруженному на помост над ареной. Дети, перешептываясь и обмахиваясь веерами, расположились вокруг Инфанты, а дон Педро и великий инквизитор стояли у входа, разговаривая и смеясь. Даже герцогиня, состоявшая при дворе старшей камеристкой, – сухопарая дама с резкими чертами лица, с желтым плоеным воротничком на платье – казалась не такой раздраженной, как обычно, и нечто наподобие ледяной улыбки проскользнуло по ее морщинистому лицу, коснувшись тонких, бескровных губ.

Игрушечная коррида удалась на славу и, на взгляд Инфанты, была куда увлекательнее настоящей, виденной ею в Севилье, когда она побывала в этом южном городе по случаю приезда к ее отцу герцога Пармского. Некоторые из мальчиков гарцевали по арене на покрытых роскошными чепраками деревянных лошадях с палкой вместо туловища, потрясая длинными копьями, украшенными яркими, пестрыми лентами; другие бегали по арене без лошадей, размахивая перед быком алыми плащами и легко перепрыгивая через барьер, когда он бросался на них. Что касается самого быка, он выглядел совсем как настоящий, хотя и сделан был из плетеных прутьев и натянутой на них шкуры. Полному сходству мешало лишь то, что он имел склонность становиться на дыбы и носиться в вертикальном положении по арене, а такое даже самому резвому быку не под силу. Все же бык сражался великолепно, и дети пришли в такое возбуждение, что повскакивали на скамьи и, размахивая кружевными платками, принялись кричать во все горло: «Bravo toro! Bravo toro!»,¹¹ то есть вели себя столь же благоразумно, как и взрослые в подобных случаях. В конце концов, после продолжительного боя, в ходе которого бык поднял на рога и забодал несколько лошадей, так что их седоки были вынуждены спешиться, юный граф Тьерра-Нуэва повалил быка на колени и, получив соизволение Инфанты нанести *coup de grève*,¹² вонзил деревянную шпагу в шею животного с такой силой, что голова у того отвалилась и из-под нее показалось смеющееся лицо маленького месье де Лоррана, сына французского посла в Мадриде.

После того как арена под гром рукоплесканий была очищена и поверженные деревянные лошади торжественно оттащены за пределы шатра двумя пажами-маврами в черно-желтых livreaх, последовал короткий перерыв, во время которого французский акробат продемонстрировал свое искусство на туго натянутом канате, а затем на сцене маленького театра, специально сооруженного по случаю праздника, была разыграна полуклассическая трагедия «Софонисба»,¹³ роли в которой исполняли итальянские марионетки. Они играли так хорошо, и движения их были так естественны, что к концу представления глаза Инфанты затуманились от слез. Некоторые дети безутешно плакали, и успокоить их могли только сладости. Даже великий инквизитор, расчувствовавшись, признался дону Педро, что ему кажется крайне несправедливым, что ни в чем не повинные куклы, сделанные из дерева и цветного воска, к тому же приводимые в движение при помощи ниток и проволочек, должны чувствовать себя такими несчастными и испытывать столь ужасные страдания.

Следующим выступал африканский фокусник. Он вынес на арену большую невысокую корзину, накрытую красной тканью, поставил ее посередине, извлек из своего тюрбана диковинную тростниковую дудочку и стал на ней играть. Через несколько секунд ткань зашевелилась, и, по мере того как музыка становилась все громче и пронзительнее, ткань шевелилась все заметнее, пока наконец из корзины не показались две золотисто-зеленые змеиные головы причудливой клинообразной формы, которые стали медленно подниматься и раскачиваться под звуки му-

¹⁰ Идадьго – дворянин в средневековой Испании.

¹¹ Bravo toro! Bravo toro! – Bravo, бык! Bravo, бык! (исп.)

¹² Coup de grève – Милосердный удар – последний удар, избавляющий жертву от предсмертных мук (фр.).

¹³ Софонисба – жена нумидийского царя Сифакса (III в. до н. э.), которая, после того как ее муж потерпел поражение в битве с римлянами, приняла яд, чтобы не стать рабыней римского воина.

зыки из стороны в сторону, словно водоросли в потоке воды. У змей были пятнистые капюшоны, они угрожающе выбрасывали свои жала, и это испугало детей. Зато им очень понравилось, когда фокусник сделал так, что из песка выросло апельсиновое деревце, покрытое чудесными белыми цветами и гнущееся под тяжестью спелых плодов. Ну а когда он взял у маленькой дочери маркиза де Лас-Торреса веер и превратил его в синюю птицу, которая стала порхать под сводами шатра и весело распевать, восторгу и изумлению детей не было границ. Галантный и в то же время величественный менуэт, очаровательно исполненный маленькими танцорами из церкви Эль Пилар, что в городе Сарагосе, тоже произвел большое впечатление. Инфанте никогда раньше не приходилось любоваться этим необыкновенным танцем и чудесной церемонией, происходившей каждый год в мае перед главным престолом церкви Эль Пилар в честь Пресвятой Девы Марии, ибо никто из испанской королевской семьи не переступал порога Сарагосского собора с тех самых пор, как один безумный священник, подкупленный, как полагали многие, людьми английской королевы Елизаветы, попытался дать принцу Астурианскому отравленную облатку.¹⁴ Поэтому Инфанта о так называемом «танце Девы Марии» знала лишь понаслышке, и он оказался действительно прекрасным зрелищем. На мальчиках были старомодные придворные костюмы из белого бархата, а их затейливые треугольные шляпы окаймляла серебряная бахрама и увенчивали огромные плюмажи из страусовых перьев. Танцоры, освещаемые ярким солнцем, выглядели очень эффектно; их смуглые лица и длинные черные волосы только подчеркивали ослепительную белизну их нарядов. Присутствующие были заворожены изысканным изяществом их неспешных движений, горделивостью их величавых поклонов и тем достоинством, с которым они выполняли замысловатые па, а, когда они закончили представление и почтительно сняли перед Инфантой свои огромные шляпы с перьями, она, приняв эти знаки почтения с большой благоклонностью, дала обет отправить в церковь Эль Пилар на алтарь Богоматери большую восковую свечу в благодарность за доставленное ей удовольствие.

Потом на арену вышли статные египтяне, как в те дни называли цыган; они сели в круг скрестив ноги и принялись негромко наигрывать на цитрах, покачиваясь в такт музыке и едва слышно напевая тихую, задумчивую мелодию. Заметив среди присутствующих дону Педро, они встревожились, а некоторые не на шутку испугались: лишь несколько недель назад он велел повесить на рыночной площади Севильи двоих из их соплеменников по обвинению в колдовстве, но прелестная Инфанта, сидевшая откинувшись на спинку кресла и взиравшая на них поверх веера своими большими голубыми глазами, их просто очаровала, и они чувствовали уверенность, что такое обворожительное создание, как она, не способно обойтись с ними жестоко. Поэтому они продолжали исполнять свою нежную мелодию, едва касаясь длинными заостренными ногтями струн, и головы их то опускались, то поднимались, словно их клонило ко сну. Вдруг, издав пронзительный крик, от которого все дети вздрогнули, а дон Педро схватился за агатовую рукоятку кинжала, они вскочили на ноги и стали неистово кружить по арене, колотя в тамбурины и распевая на своем диковинном гортанном наречии какую-то страстную любовную песнь. Затем раздался еще один крик, и они, словно по команде, бросились на землю, некоторое время оставаясь неподвижными, – тишину нарушало лишь монотонное бречание цитр. После этого они снова вскочили, и так повторялось несколько раз; потом, внезапно исчезнув, вскоре опять возвратились, ведя за собой на цепи косматого бурого медведя, а на плечах у них восседали маленькие обезьянки – бесхвостые макаки. Медведь, сохраняя полнейшую невозмутимость, сделал стойку на голове, а обезьянки, сморщенные мордочки которых казались ужасно забавными, проделали в высшей степени невероятные трюки вместе с двумя цыганскими мальчиками, видимо их хозяевами, в довершение ко всему сразившись между собой на крохотных шпагах, постреляв из мушкетеров и продемонстрировав, как проходит повседневная строевая подготовка королевских гвардейцев. Что и говорить, цыгане имели огромный успех.

Но самой веселой частью утреннего представления, несомненно, был танец Карлика. Когда он вышел на арену, переваливаясь на своих кривых ножках, спотыкаясь и мотая из стороны в

¹⁴ Облатка – небольшая круглая лепешка из пресного теста, употребляемая при причастии католиками и протестантами.

сторону огромной уродливой головой, дети даже завизжали от восторга и сама Инфанта так смеялась, что камеристка вынуждена была ей напомнить, что, хотя в испанской истории известно сколько угодно случаев, когда королевская дочь плакала в присутствии себе равных, не бывало еще такого, чтобы принцесса, особа королевской крови, позволяла себе столь безудержно веселиться перед теми, кто ниже ее по рождению. Но Карлик был действительно неотразим, и даже при испанском дворе, славившемся своим традиционным пристрастием ко всему чудовищному, никогда еще не видывали такого фантастического уродца. К тому же это было первое его выступление. Его обнаружили лишь за день до этого двое вельмож, охотившихся в отдаленной части пробкового леса, окружавшего город, когда тот пробирался через лесную чашу, и тут же доставили во дворец в качестве сюрприза для Инфанты; его отец, бедный угольщик, был только рад отделаться от столь уродливого и никчемного отпрыска. Быть может, самым забавным в Карлике было то, что он и не подозревал о своей гротескной наружности. Более того, он казался совершенно счастливым и пребывал в прекраснейшем расположении духа. Когда смеялись дети, смеялся и он, причем так же искренне и весело, как они, а в конце каждого танца отвешивал каждому из зрителей уморительнейшие поклоны, улыбаясь и кивая им с таким видом, будто он такой же, как все они, а вовсе не маленький жалкий уродец, сотворенный природой на потеху другим в одну из тех редких минут, когда ей вздумалось подурочиться. Ну а Инфанта совершенно пленила его. Он глаз от нее не мог оторвать и, казалось, танцевал для нее одной. В конце представления Инфанта, вспомнив, как однажды знатные придворные дамы бросали букеты знаменитому итальянскому дисканту Каффарелли, которого Папа Римский прислал из своей капеллы в Мадрид специально для того, чтобы он своим сладостным пением излечил от меланхолии Короля, вынула из волос прекрасную белую розу и, то ли в шутку, то ли чтобы подразнить камеристку, с очаровательнейшей улыбкой бросила цветок на арену. Карлик воспринял это с полной серьезностью и, прижав розу к своим толстым потрескавшимся губам и приложив руку к сердцу, опустился перед Инфантой на одно колено, во весь рот улыбаясь. Его маленькие блестящие глазки сияли от удовольствия.

Это показалось Инфанте настолько забавным, что она продолжала смеяться еще долго после того, как Карлик убежал с арены, а затем, обратившись к дяде, выразила желание, чтобы танец был немедленно повторен. Однако камеристка, сославшись на зной, сказала, что для ее высочества будет лучше как можно быстрее вернуться во дворец, где ее ждет роскошный пир, украшением которого будет специально испеченный ко дню ее рождения праздничный торт с ее инициалами из подкрашенного плавяного сахара по всей поверхности и восхитительным серебряным флажком на верхушке. Инфанте пришлось повиноваться, и она, распорядившись, чтобы Карлик после сестры снова пришел танцевать перед ней, и выразив юному графу Тьерра-Нуэва признательность за чудесный прием, встала и с большим достоинством удалилась в свои покои, а за ней последовали ее друзья, соблюдая тот же порядок, в котором они пришли.

* * *

Когда Карлик узнал, что ему предстоит еще раз танцевать перед Инфантой, к тому же по ее настоящему желанию, его до такой степени переполнила гордость, что он выбежал в сад и принялся в безрассудном восторге целовать подаренную ему белую розу, сопровождая проявления радости неуклюжими и нелепыми жестами.

Цветы были крайне возмущены его бесцеремонным вторжением в их прекрасную обитель, а когда он начал скакать по аллеям сада, смешно размахивая над головой руками, они больше не смогли сдерживать своих чувств.

– Он слишком уродлив, чтобы играть рядом с нами! – воскликнули Тюльпаны.

– Напоить бы его маковым соком – и пусть заснет на тысячу лет, – промолвили большие алые Лилии, пылая от злости.

– Какое омерзительное чудовище! – взвизгнул Кактус. – Недоросток скрюченный! Голова как тыква, а ног совсем не видно – каракатица, и все тут! У меня так и чешутся колючки; пусть только подойдет, я его всего исколю.

– Подумать только, ему достался мой лучший цветок, – воскликнул Куст Белых Роз. – Сегодня утром я лично вручил его Инфанте как подарок на день рождения, а этот уродец украл его у нее. – И Куст завопил что есть силы: – Держи вора! Держи вора!

Даже Красная Герань, которая обычно не слишком важничала и, как всем было известно, имела большое количество бедных родственников, закрыла свои цветки от отвращения, увидев Карлика, а, когда Фиалки кротко заметили, что он ведь не может изменить своей непривлекательной внешности, Герань резонно возразила, что это и есть главный его недостаток. И в самом деле, продолжала она, если кто-то неизлечим, это еще не значит, что им следует восхищаться. По правде говоря, Фиалки и сами понимали, что уродство Карлика уж чересчур вызывающе и с его стороны было бы гораздо тактичнее, если бы он имел печальный или по крайней мере задумчивый вид, а не прыгал так жизнерадостно и не делал столь гротескных и несуразных телодвижений.

Ну а старые Солнечные Часы, не имевшие себе равных среди подобных приспособлений – недаром они когда-то показывали время самому императору Карлу V, – были настолько поражены наружностью Карлика, что чуть не забыли отметить целые две минуты своим длинным пальцем из тени и посчитали нужным заметить большому молочно-белому павлину, гревшемуся на солнце на балюстраде, что, как там ни крути, но дети королей – короли, а дети угольщиков – угольщики и глупо делать вид, будто это не так, с каковым мнением павлин целиком и полностью согласился, прокричав: «Еще бы! Еще бы!» – столь пронзительным голосом, что золотые рыбки, обитавшие в бассейне с прохладным плещущимся фонтаном, выглянули из воды и заинтересовались у больших каменных тритонов, а что, собственно, такое стряслось.

А вот птицам он явно нравился. Они часто видели его в лесу, когда, приплясывая словно эльф, он гонялся за кружащимися листьями или забирался в дупло старого дуба, чтобы поделиться орехами с белками. Его уродство их ничуть не смущало. Ведь даже сам соловей, который так сладко поет по ночам в апельсиновых рощах, что порою луна опускается ниже, чтобы лучше слышать его, и тот не бог весть как красив. Кроме того, Карлик всегда относился к ним с добротой, и в ту страшную зиму, когда на кустах и деревьях нельзя было найти ни единой ягоды, а земля от мороза стала твердой, как железо, и волки подходили к самым городским воротам в поисках пищи, он не бросил в беде своих пернатых друзей, не забывая оставлять им крошки от своего куса черного хлеба и всегда делился с ними завтраком, каким бы скудным он ни был.

Неудивительно потому, что птицы так и вились вокруг Карлика, касаясь крыльями его щеки на лету и без умолку щебеча, и это так ему нравилось, что он решил в благодарность показать им свою прекрасную белую розу, которую, как он с гордостью им сообщил, ему подарила сама Инфанта, потому что полюбила его.

Они не поняли ни слова из сказанного, но это не имело большого значения, потому что они, склонив голову набок, слушали его очень внимательно и с умным видом, а это почти то же самое, что понимать, только намного проще.

Ящерицам Карлик тоже нравился. Когда, устав прыгать, он бросился на траву отдохнуть, они взобрались на него и стали по нему бегать и весело возиться между собой, стараясь этим развлечь его. «Не всем же быть такими красивыми, как мы, ящерицы, – попискивали они. – Это попросту невозможно. Как ни странно это звучит, на самом деле он не так уж уродлив, если, конечно, закрыть глаза и на него не смотреть». Ящерицы, по природе своей склонные к философствованию, любили целыми часами сидеть, погружившись в размышления, особенно если больше нечего было делать или погода была слишком дождливой для прогулок.

Цветы, однако, были ужасно возмущены тем, как ведут себя ящерицы и птицы. «Все это беганье и порханье, – негодовали они, – только делает их еще более вульгарными, что и проявляется в их отношении к этому уродцу. Кто хорошо воспитан, тот никогда не сдвинется с места, вот как мы например. Разве кто-нибудь видел, чтобы мы носились вприпрыжку по саду или гонялись как оглашенные за стрекозами по газонам? Если нам хочется переменить обстановку, мы посылаем за садовником, и он переносит нас на другую клумбу. Вот как нужно себя вести в приличном обществе. Но птицам и ящерицам не сидится на месте, а у птиц даже постоянного адреса нет. Они такие же бродяги, как цыгане, и вести себя с ними нужно соответствующим образом». И

цветы, задрав свои носы, приняли крайне высокомерный вид, а когда спустя некоторое время увидели, что Карлик, с трудом поднявшись на короткие ноги, направляется через террасу к дворцу, вздохнули с большим облегчением.

– Его следовало бы держать взаперти до конца его дней, – прошелестели они. – Вы только взгляните на эту горбатую спину и эти кривые ножки. – И они захихикали.

Карлику и в голову не могло прийти, что о нем говорят такое. В птицах и ящерицах он души не чаял, а цветы считал самыми чудесными творениями на земле – разумеется, после Инфанта, которая, подарив ему прекрасную белую розу и полюбив его, стала для него всех дороже. Ах, если бы он смог вместе с ней отправиться во дворец после представления! Она бы посадила его по правую руку от себя и все время бы ему улыбалась, а он не отходил бы от нее ни на шаг, стал бы ей постоянным товарищем по играм и учил бы ее разным замечательным трюкам. Пусть даже он и не бывал никогда во дворце, зато он знал великое множество удивительных вещей. Он умел делать из тростника крошечные клетки для кузнечиков, в которых они так славно поют, и превращать длинный побег бамбука в сладкозвучную свирель, игрой на которой заслушался бы даже сам Пан.¹⁵ Он знал голоса всех птиц, и на его зов с верхушек деревьев слетались скворцы, а с озер цапли. Ему были известны следы всех зверей, и он мог безошибочно узнавать зайца по едва заметным вмятинам от лап, а кабана – по истоптанной листве. Ему были знакомы все танцы, исполняемые Природой: и буйный пляс Осени в багряных одеждах из листьев, и грациозный менуэт Лета в голубых сандалиях из васильков, и студеной вальс Зимы в белом венке из снега, и веселая кадрили Весны в цветущем наряде фруктовых садов. Он знал, где выют гнезда лесные голуби, и как-то раз, когда птицелов поймал в силки голубей-родителей, он сам выкормил осиротевших птенцов и устроил для них маленькую голубятню в расщелине между обрубленными ветвями вяза. Птенцы стали совсем ручными и каждое утро ели у него из рук. Они непременно понравятся Принцессе, как и другие его друзья: кролики, снующие в зарослях папоротника; черноклювые сойки в отливающем сталью оперении; ежи, готовые в любой момент свернуться колючим клубком; большие, мудрые, неторопливые черепахи, покачивающие головой и пощипывающие молодые листья. Да, Инфанте обязательно нужно побывать у него в гостях и поиграть с ним в лесу. Он уступит ей свою маленькую кровать, а сам выйдет из хижины и просидит до зари под окном, оберегая ее от диких лосей и оленей и не подпуская к хижине вечно голодных волков. Ранним утром он постучится в ставни и разбудит ее, а потом они будут целый день танцевать. В лесу ведь не так уж страшно и безлюдно: то проедет на своем белом муле епископ, читая ярко раскрашенную книгу, то проскачут соколиные охотники в зеленых бархатных беретах и куртках из дубленой оленьей кожи, с соколами в колпачках, сидящими у них на запястьях. Когда наступает сезон виноделия, в лесу можно увидеть давилышников винограда с пурпурно-красными руками и ногами, в венках из глянцевого плюща и с полными вина мехами. Ну а ночи – это время угольщиков, которые сидят вокруг огромных жаровен, глядя на медленно обугливающиеся на огне сухие бревна и жаря в золе каштаны, и разбойников, которые выбираются из пещер и присоединяются к ним. А однажды Карлик видел живописную процессию, направлявшуюся по пыльной извилистой дороге в Толедо. Впереди, неся ярко раскрашенные хоругви и золотые распятия, шли и очень красиво пели монахи. За ними в серебристых доспехах, вооруженные мушкетами и пиками, следовали солдаты, а в их окружении шагала босиком какая-то странная тройца в желтых одеждах, разрисованных причудливыми фигурами, и с горящими свечами в руках. Да-а, в лесу многое можно увидеть, а когда Инфанта устанет, он найдет для нее какой-нибудь бугорок с мягким мхом или будет нести ее на руках – он ведь физически очень сильный, хотя, как он знал, и не вышел ростом. Он изготовит ей ожерелье из красных ягод брионии, и они будут выглядеть не хуже тех белых ягод, что украшают ее платье сейчас, а когда ей перестанут нравиться красные ягоды, она сможет их выбросить, и он отыщет взамен другие. Он будет приносить ей чашечки желудей, анемоны, усеянные капельками росы, крошечных светлячков, чтобы они звездами сияли в бледном золоте ее волос.

¹⁵ Пан – в греческой мифологии считался богом стад, покровителем пастухов, а затем и всей природы; изображался в виде играющего на пастушеской свирели человека с козлиными рогами, копытами и бородой.

Но где же Инфанта? Он спросил об этом у белой розы, но та не дала ответа. Казалось, весь дворец пребывал во сне, и даже те окна, ставни на которых оставались открытыми, отгородились от ослепительного солнечного света наглухо задернутыми шторами. Карлик принялся ходить вокруг дворца в поисках места, через которое он мог бы войти, и наконец заметил приоткрытую дверь. Он несмело вошел через нее и очутился в великолепном зале – куда более великолепном, отметил он с грустью, чем всё, что он видел в лесу; повсюду вокруг была позолота, а пол был выложен большими разноцветными каменными плитами, образовывавшими сложный геометрический узор. Но маленькой Инфанты здесь не было – лишь прекрасные белые статуи взирали на него с яшмовых пьедесталов своими печальными пустыми глазами и загадочно ему улыбались.

В глубине зала висел занавес из черного бархата, усеянный множеством небесных светил – любимый рисунок Короля – и богато расшитый в том сочетании цветов и оттенков, которые нравились Королю больше всего. Быть может, она прячется за занавесом? Что ж, надо попытаться проверить.

Карлик тихонько пересек зал и отодвинул занавес. Но нет, за ним он увидел лишь другое помещение – еще более красивое, чем то, которое он только что покинул. Стены здесь были увешаны зелеными гобеленами ручной работы, затканными фигурами, изображающими сцены охоты. Это были творения фламандских мастеров, потративших на работу над ними более семи лет. Некогда это были покои короля Jean le Fou,¹⁶ как его прозвали, – безумца, настолько любившего охоту, что, даже пребывая в бредовом состоянии, он часто пытался оседлать могучих, норовящих встать на дыбы коней, или, трубя в охотничий рог, повалить наземь оленя-самца, которого настигли его большие гончие собаки, или же вонзить кинжал в серую лесную лань. Теперь здесь заседал королевский совет и на столе в самом центре зала лежали красные портфели министров с оттиснутыми на них золотыми тюльпанами, эмблемой Испании, и гербами и эмблемами императорского дома Габсбургов.¹⁷

Карлик изумленно оглядывался по сторонам, не осмеливаясь идти дальше. Эти странные безмолвные всадники, стремительно, но беззвучно несущиеся по длинным, узким полянам, напомнили ему страшные рассказы угольщиков о призраках, компрачос, которые охотятся только по ночам, а если встречаются на своем пути человека, тут же превращают его в оленя и гонятся за ним до тех пор, пока не убьют его. Но мысль о прелестной Инфанте придала ему храбрости. Он хотел увидеть ее одну, без посторонних, и сказать ей, что он тоже любит ее. Быть может, она в следующей комнате?

Пробежав по мягким мавританским коврам в другой конец зала, он рывком отворил дверь. Нет! И там ее не было. Следующая комната была пуста.

Там помещался тронный зал, где принимали послов иноземных держав в тех редких в последнее время случаях, когда Король соглашался дать кому-нибудь из них аудиенцию, – тот самый зал, в котором много лет назад прибывшие из Англии посланцы договаривались о браке правившей в то время их страной католической королевы со старшим сыном императора. Стены зала были обиты позолоченной кожей из Кордовы, а с черно-белого потолка свисала тяжелая золоченая люстра на триста восковых свечей. Под большим балдахином из золотой ткани, по которой мелким жемчугом были вышиты львы и башни Кастилии,¹⁸ стоял трон с покрывалом из роскошного черного бархата, усыпанного серебряными тюльпанами и искусно окаймленного серебром и жемчугом. На второй ступеньке трона была скамеечка с подушкой из серебряной ткани, предназначенная для того, чтобы Инфанта на ней преклоняла перед Королем колени, а еще ниже, уже за пределами балдахина, стояло кресло папского нунция – единственного человека, имевшего право сидеть в присутствии Короля во время любого церемониала; его кардиналь-

¹⁶ Jean le Fou – Жана Безумного (фр.)

¹⁷ Династия Габсбургов на протяжении нескольких столетий правила многими странами Европы, в том числе и Испанией.

¹⁸ На гербе Кастилии (от исп. castellos – замок), королевства, вокруг которого происходило объединение испанского государства, изображен замок, а на гербе Мадрида, главного города Кастилии, – крылатый лев.

ская шапочка с плетеными алыми кисточками лежала на красной табуретке перед креслом. На стене, обращенной к трону, висел портрет Карла V в натуральную величину, на котором он был изображен в охотничьем костюме и с большим догом у ног, а середину противоположной стены занимала картина, на которой был изображен Филипп II,¹⁹ принимающий присягу от Нидерландов на верноподданство. Между окнами стоял комод из черного дерева, инкрустированный пластинками слоновой кости и украшенный гравюрами из «Пляски смерти» Гольбейна,²⁰ выполненными, как утверждали некоторые, самим прославленным мастером.

Но Карлика мало волновало это великолепие. За все жемчуга на балдахине трона он не отдал бы своей белой розы; да что там жемчуга – даже за сам трон он не расстался бы ни с одним лепестком. Ему во что бы то ни стало нужно было увидеть Инфанту прежде, чем она отправится в шатер, и попросить ее убежать вместе с ним сразу же после того, как он закончит свой танец. Здесь, во дворце, воздух был удушливым и тяжелым, а в лесу всегда веет вольный ветер, и солнечный свет нежными золотыми пальцами раздвигает трепещущую листву. В лесу цветы, может быть, не столь великолепны, как в королевском саду, но запах их нежнее и тоньше. Там гиацинты ранней весной заливают фиолетовыми волнами прохладные лесистые долины и травянистые холмы, там бледно-желтые примулы гнездятся меж узловатых корней дубов, там расстилаются коврами ярко-желтый чистяк, голубая вероника, сиреневые и золотые ирисы. Там на орешнике повисли длинные, желтые сережки, и наперстянка клонится под тяжестью крапчатых цветков, неодолимо манящих пчел. На каштане зажглись гирлянды белых свечей, а на боярышнике распустились маленькие бледные луны. Да, он уверен – она с ним пойдет, вот только удалось бы ее отыскать! Она обязательно уйдет вместе с ним в его замечательный лес, и он целыми днями будет танцевать ей на усладу. От мыслей об этом глаза его засветились улыбкой, и он вошел в следующую комнату.

Во всем дворце не было комнаты наряднее и красивее этой. Ее стены были обтянуты узорчатым шелком из Лукки²¹ с вытканными на нем птицами, розовыми цветами и изысканными серебристыми бутонами; мебель была из массивного серебра с рельефно изображенными на ней гирляндами, венками и порхающими купидонами; перед двумя огромными каминами стояли большие экраны, украшенные вышитыми на них попугаями и павлинами, а пол из оникса цвета морской волны, казалось, простирался в бесконечную даль. Но на сей раз он был в комнате не один. За ним наблюдала какая-то маленькая фигурка, замершая в проеме полуоткрытой двери в противоположном конце комнаты. Сердце его затрепетало, с губ сорвался крик радости, и он шагнул из тени в яркий солнечный свет. Фигурка в глубине комнаты тоже сделала шаг ему навстречу, и он ясно увидел ее.

Он искал Инфанту, а нашел чудовище, самое безобразное чудовище, какое когда-либо видел. Оно мало чем напоминало человека, было бесформенное, горбатое, криворукое и кривоногое, с огромной, болтающейся головой и с гривой нечесаных черных волос. Карлик нахмурился – нахмурилось и чудовище. Он засмеялся – оно засмеялось тоже. Он прижал руки к бокам – оно сделало точно так же. Он насмешливо поклонился чудовищу – оно отвесило ему низкий поклон. Он двинулся ему навстречу – оно тоже стало приближаться, имитируя каждое его движение, но стоило ему остановиться, как оно тут же замерло на месте. Карлик засмеялся, подбежал к нему поближе и вытянул вперед руку – ее коснулась рука чудовища, холодная как лед. Он испугался и отдернул руку – чудовище рывком убрало свою. Он хотел было шагнуть вперед, но уткнулся во что-то гладкое и твердое. Теперь лицо чудовища было от него совсем близко, и оно выражало страх. Он откинул со лба волосы. Оно повторило его движение. Он ударил чудовище. Оно возвратило удар. Он смотрел на него с отвращением. Оно корчило ему рожи. Он сделал несколько

¹⁹ Испанский король Филипп II (1556–1598), сын Карла V, проводил жестокую политику в Нидерландах, которые вошли в состав его владений после раздела империи Карла V.

²⁰ Имеется в виду серия из 58 рисунков выдающегося немецкого живописца и графика Ганса Гольбейна Младшего (1497–1543).

²¹ Итальянский город Лукка был известен своими шелковыми мануфактурами, особенно узорчатыми тканями.

шагов назад. Оно стало пятиться.

Что бы это могло значить? Подумав немного, но не найдя ответа, Карлик обвел взглядом комнату, и тут только заметил, что за этой прозрачной стеной находятся точные копии всех окружающих предметов. Картина повторялась в виде точно такой же картины, а диван – в виде точно такого же дивана. У спящего Фавна, лежащего в алькове у дверей, был за прозрачной стеной брат-близнец, который тоже дремал, а озаренная солнцем серебряная Венера протягивала руки к другой Венере, такой же прекрасной, как она сама.

А может быть, это проделки Эха? Как-то раз, когда Карлик бродил по долине, он громко окликнул Эхо, и оно, подражая его голосу, в точности повторило его слова. Не значит ли это, что Эхо может копировать и форму предметов, причем не хуже, чем голоса? Способно ли оно создать несуществующий мир, в точности напоминающий реальный? Могут ли тени предметов приобретать цвет, форму и способность двигаться, как сами предметы? Ну а что если...

Он вздрогнул, снова повернулся лицом к чудовищу и, поднеся к губам свою прекрасную белую розу, стал целовать ее. Но у того была точно такая же роза – вплоть до последнего лепестка! Чудовище тоже целовало ее, с нелепейшими ужимками прижимая к сердцу.

И тогда страшная правда открылась ему во всей своей беспощадности, и он, издав душевраздирающий вопль отчаяния, бросился, рыдая, на пол. Значит, вот какой он на самом деле – уродливое, горбатое, жалкое существо! Значит, он и есть то чудовище, которое его самого напугало своим страшным видом, и дети смеялись вовсе не над его танцем, а над ним самим! Ну а маленькая Принцесса, которая, как ему казалось, полюбила его, попросту потешалась над его несуразной внешностью и кривыми ногами. Ах, зачем его забрали из леса, где не было никаких зеркал, показывающих ему, как отталкивающе он выглядит?! Почему отец не убил его, а продал этим аристократам, которые глумятся над его уродством?! Горячие слезы текли по его щекам, и он схватил белую розу и растерзал ее на отдельные лепестки. Распростертое на полу чудовище сделало то же самое, а затем швырнуло горстку нежных лепестков вверх. Когда Карлик некоторое время спустя взглянул на лежащее ничком чудовище, оно тоже приподняло голову: лицо его было искажено страданием. Чтобы не видеть этого, он отполз в сторону и закрыл руками глаза. Потом, подобно раненому животному, переполз еще дальше, в тень, и так и лежал, стеная.

Когда Инфанта и ее друзья, возвращаясь с террасы, вошли в комнату и увидели лежащего ничком маленького уродца, который с крайне нелепым и преувеличенно страдальческим видом колотил по полу плотно сжатыми кулачками, они так и покатались со смеху, а затем, окружив его со всех сторон, принялись с интересом наблюдать за ним.

– Танцевал он очень забавно, – сказала Инфанта, обмахиваясь веером, – но как актер он еще забавнее. Право, он играет не хуже марионеток, хотя, конечно, не так естественно.

И она захлопала в ладоши.

Но Карлик так и не поднял головы, а рыдания его становились все тише и тише, и вдруг он издал странный возглас и схватился за бок. Потом припал к полу и затих.

– Ну, хорошо! – нетерпеливо произнесла Инфанта, решив, что пауза чересчур затянулась. – Теперь ты должен станцевать для меня.

– Да, да! – поддержали ее остальные. – Вставай поскорей и танцуй, ведь ты это умеешь не хуже макака, только у тебя получается намного смешнее.

Но Карлик ничего не отвечал.

Инфанта топнула ножкой и позвала своего дядю, который в это время прохаживался с камергером по террасе, читая депеши, только что полученные из Мексики, где недавно была учреждена Святая палата.

– Мой смешной карлик капризничает, – крикнула она ему. – Разбуди его и скажи ему, что он должен для меня танцевать.

Придворные, улыбнувшись друг другу, неторопливо вошли в комнату. Дон Педро склонился над Карликом и шлепнул его по щеке своей вышитой перчаткой.

– Ну-ка вставай и танцуй, – сказал он. – Танцуй же, тебе говорят, *petit monstre*.²² Инфанте

²² *Petit monstre* – маленькое чудовище (фр.).

Испании и обеих Индий угодно развлечься.

Но Карлик даже не шевельнулся.

– Придется распорядиться, чтобы его высекли, – устало проговорил дон Педро и вышел на террасу.

А камергер, посерьезнев, опустился рядом с карликом на колени и приложил к его сердцу руку. Спустя несколько минут он пожал плечами, поднялся на ноги и, низко поклонившись Инфанте, сказал:

– *Mi bella Princesa*,²³ ваш смешной карлик никогда больше танцевать не будет. А жаль – ведь он так уродлив, что заставил бы и Короля улыбнуться.

– Но почему он не будет танцевать? – спросила смеясь Инфанта.

– Потому что у него разбито сердце, – ответил камергер.

Инфанта сдвинула брови, и ее красиво очерченные губы, подобные лепесткам розы, искривились в очаровательной гримасе презрения.

– Впредь пусть ко мне приходят играть только те, у кого нет сердца! – воскликнула она и убежала в сад.

Юный Король

Посвящается Маргарет, известной как леди Брук и рани Саравака²⁴

Вечером накануне дня коронации юный Король остался в своих роскошных покоях совершенно один. Придворные Его величества только что простились с ним, отвесив, согласно церемонным обычаям того времени, глубочайшие, до самой земли, поклоны, и направились в Большой зал дворца, где им предстояло выслушать последнюю перед торжественным событием лекцию по этикету, которую читал им Профессор Церемониальных наук, – а то ведь некоторые из них так и не сумели избавиться от естественности и непринужденности в манерах, что, как всем известно, совершенно непозволительно для придворных.

Юный Король – а он был совсем еще мальчик: ему едва исполнилось шестнадцать лет, – нимало не сожалел об уходе своих подчиненных. Как только они удалились, он издал глубокий вздох облегчения и, откинувшись на мягкие подушки своего расшитого затейливыми узорами ложа, застыл в неподвижной позе, слегка приоткрыв рот и глядя перед собой встревоженными глазами, словно смуглолицый Фавн²⁵ или какой-нибудь лесной зверек, только что извлеченный охотниками из капкана.

Его и в самом деле отыскивали охотники, случайно набредя на него, когда он, босоногий и со свирелью в руке, брел вслед за стадом коз, принадлежавших бедному пастуху, который воспитал его и сыном которого он всегда себя считал. В действительности же он был ребенком единственной дочери старого короля, вступившей в тайный брак с человеком гораздо более низкого, чем она, положения. Некоторые утверждали, будто ее таинственный супруг – пришлый музыкант, своей волшебной игрой на лютне сумевший пленить сердце юной принцессы; другие же уверяли, будто он художник из Римини,²⁶ чей талант произвел на нее неизгладимое, может быть слишком неизгладимое, впечатление; спустя короткое время художник этот внезапно исчез из города, оставив работу над росписью собора незавершенной. Ребенка, когда ему была лишь не-

²³ *Mi bella Princesa* – Моя прекрасная принцесса (исп.).

²⁴ Леди Брук (Маргарет для Уайльда) была женой Джеймса Брука, правителя колонии Англии Саравака (ныне штат Малайзии). Поскольку англичанина Брука называли «белым раджой», его супругу называли «рани», что значит «жена раджи».

²⁵ Фавн – римский бог лесов и полей, покровитель стад и пастухов. Это сравнение не случайно, так как детские годы юного Короля проходили в семье бедного пастуха, жившего в лесной глуши.

²⁶ Римини – город в Северной Италии.

деля от роду, забрали у матери, пока та спала, и отдали на попечение простого крестьянина и его жены, не имевших своих детей и живших в дальнем лесу, до которого было более дня езды от города. Не прошло и часа после пробуждения бледной словно полотно девушки, столь недавно познавшей радость материнства, как страшное горе, а может быть, по уверениям придворного лекаря, черная чума или же, по мнению некоторых, сильнодействующий итальянский яд, подсыпанный в кубок пахнущего пряностями вина, оборвали ее юную жизнь. И в тот самый момент, когда один из верных слуг старого короля, везший младенца перед собой на седельной луке, свесился со своего взмыленного коня, чтобы постучать в сколоченную из грубых досок дверь хижины, где жил крестьянин, гроб с телом Принцессы опускали в свежерытую могилу на заброшенном кладбище за городскими воротами рядом с другим гробом, где, если верить слухам, лежало тело какого-то чужеземного юноши невиданной красоты, чьи руки были стянуты за спиной завязанной в узел веревкой, а грудь покрыта алыми кинжальными ранами.

Так, во всяком случае, гласила история, которую люди шепотом пересказывали друг другу. Но несомненным остается тот факт, что, оказавшись на смертном одре, старый король – то ли из раскаяния в содеянном им великом грехе, то ли из стремления сохранить королевство за потомками своего рода – велел доставить мальчика во дворец и в присутствии Королевского совета провозгласил внука своим наследником.

С первой же минуты своего признания в качестве продолжателя королевской династии юноша стал проявлять признаки необыкновенной любви к прекрасному – любви, которой суждено было оказать столь сильное влияние на его жизнь. Придворные, сопровождавшие новоявленного наследника в отведенные ему покои, любили потом рассказывать, что, увидев ждущие его изысканные наряды и роскошные драгоценности, он издал невольный крик радости. Грубую одежду, в которой его привезли – кожаную блузу и плащ из овчины, – он сбросил с себя чуть ли не с яростным наслаждением.

Хотя порой он и тосковал по привольной жизни в лесу и безумно скучал, присутствуя на бесконечно долгих церемониях, ежедневно устраивавшихся при дворе, великолепный дворец – Joyeuse,²⁷ как все его называли, – единовластным хозяином которого теперь он стал, казался ему новым, волшебным миром, специально созданным для того, чтобы сделать его счастливым. При малейшей возможности улизнуть с очередного заседания Королевского совета или из Зала для аудиенций он стремглав сбегал по широкой парадной лестнице, ступеньки которой были сделаны из чистейшего порфира, а балюстрада украшена львами из позолоченной бронзы, и подолгу бродил по комнатам и галереям дворца, словно пытаясь обнаружить в их красоте чудодейственное средство, успокаивающее душевную боль и исцеляющее от всякого рода недугов.

В этих «странствиях за неведомым», как он сам называл свои прогулки (а они и в самом деле были для него настоящими путешествиями по волшебным, неведомым землям в поисках невиданных чудес), его иногда сопровождали изящные, белокурые пажи в развевающихся мантиях и пестрых, трепещущих при движении лентах, но чаще он делал это один, ибо инстинктивно, по какому-то наитию, понимал, что тайны Искусства можно познать только втайне и что Красота, подобно Мудрости, не любит, чтобы ей поклонялись прилюдно.

В ту пору о нем рассказывали много странных историй. Говорили, например, что, когда во дворец приехал бургомистр (господин дородный и очень важный), чтобы прочесть от имени горожан напыщенный и витиевато написанный адрес, он увидел юного наследника престола коленапреклоненным перед огромной картиной, только что доставленной из Венеции; юноша с благоговением взирал на нее, как если бы она была иконой с изображением каких-то новых богов. А в другой раз, когда он внезапно исчез и нигде не появлялся несколько часов кряду, его после долгих поисков нашли в небольшой каморке в одной из северных башен дворца, где он сидел, неподвижно уставившись, словно в трансе, на греческую гемму с изображенной на ней

²⁷ Joyeuse – веселый, радостный. Название дворца является аллюзией на легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола: поместье Ланселота в них называется «Садом радости» («la Jardin Joyeuse») (фр.).

фигурой Адониса.²⁸ Поговаривали также, что кто-то видел, как он стоял, прижавшись теплыми губами к холодному мраморному челу античной статуи, найденной на дне реки при сооружении каменного моста; на статуе значилось имя вифинского раба²⁹ императора Адриана.³⁰ А как-то странный юноша провел целую ночь, следя за игрой лунного света на серебряном изваянии Эндимиона.³¹

Его неудержимо влекло к себе все диковинное и драгоценное, и в своем стремлении заполучить разного рода редкости он разослал во все концы земли великое множество негоциантов: одних – к суровым рыбакам северных морей, чтобы выторговать у них янтарь; других – в Египет за той удивительной зеленой бирюзой, которую можно найти в одних лишь гробницах фараонов и которая, по поверьям, обладает чудодейственными свойствами; третьих – в Персию за шелковыми коврами и расписной керамикой; четвертых – в Индию за легкой прозрачной тканью, резной разрисованной слоновой костью, лунным камнем, браслетами из нефрита, сандаловым деревом, голубой эмалью и шальями из тончайшей шерсти.

Но более всего юного Короля занимало убранство, которое ему предстояло надеть на коронацию, – сотканная из золотых нитей мантия, украшенная рядами жемчуга скипетр и усыпанная рубинами корона. О своем наряде он и думал в эту минуту, лежа на роскошной королевской кровати и неотрывно глядя на большое сосновое полено, догорающее в камине. Эскизы убранства, выполненные известнейшими художниками того времени, были готовы за много месяцев до коронации, и искуснейшие мастера королевства трудились денно и нощно, чтобы все было закончено в срок. По всему свету искали драгоценные камни, которые были бы достойны их виртуозной работы. Воображение рисовало юноше величественную картину коронации. Ему представлялось, как он, облаченный в прекрасное королевское одеяние, стоит перед высоким алтарем собора, и, когда он представил это, улыбка заиграла на его детских губах, озаряя лучезарным сиянием его темные зачарованные глаза.

Через некоторое время он встал со своего ложа и, опершись о резную каминную полку, обвел взглядом погруженную в полумрак комнату. Ее стены были сплошь увешаны богатыми гобеленами с изображениями, символизирующими Триумф Красоты. Один ее угол занимал большой комод, инкрустированный агатом и лазуритом, а напротив окна стоял великолепной работы застекленный шкафчик, стенки которого были покрыты лаком с мозаичными вкраплениями напыленного золота. В шкафчике красовались изящные кубки из венецианского стекла и чаша из белого, с черными прожилками, оникса. Шелковое покрывало на кровати было расшито бледными, словно выпавшими из усталых рук сна, маками; столбики из резной слоновой кости, высокие и стройные, как тростинки, поддерживали бархатный балдахин, над которым белой пеной взметались к бело-серебристому лепному потолку пышные султаны страусовых перьев. Смеющийся Нарцисс из позеленевшей бронзы держал над изголовьем кровати отполированное до безупречного блеска зеркало.

За окном виднелся огромный купол собора, массивное полушарие которого высилось над призрачными домами города. По террасе, вдоль подернутой легкой дымкой реки, вышагивали усталые часовые – сначала в одну сторону, затем в другую. Из далекого сада доносилось пение соловья. Через открытое окно проникал слабый запах жасмина. Откинув со лба темно-русые кудри, юный Король взял в руки лютню и пробежал пальцами по ее струнам. Его отяжелевшие

²⁸ Адонис – согласно древнегреческой мифологии, прекрасный юноша, возлюбленный Афродиты.

²⁹ Вифиния – в древности область на северо-западе Малой Азии (на территории современной Турции). Около 700 г. до н. э. ее заселили фракийские племена вифинов. В 74 г. до н. э. Вифиния стала римской провинцией. В XIV веке н. э. завоевана турками. Под вифинским рабом, по всей видимости, имеется в виду Антиной, любимец римского императора Адриана.

³⁰ Адриан (76–138) – римский император с 117 г. При нем усилилась императорская власть и централизация государственных учреждений. На границах империи Адриан создал систему мощных укреплений и оборонительных валов.

³¹ Эндимион – согласно древнегреческой мифологии, юноша, за красоту взятый Зевсом на небо.

веки сами собой опустились, и он почувствовал, как им овладевает какая-то блаженная нега. Никогда раньше не испытывал он такого острого наслаждения от ощущения таинственной магии Прекрасного.

Услышав, как часы на башне пробили полночь, он позвонил в колокольчик, и явившиеся на его вызов пажи со всеми надлежащими церемониями сняли с него одежду, омыли ему розовой водой руки и усыпали его подушку цветами. А через несколько минут он уже крепко спал.

И пока он спал, привиделось ему во сне, будто находится он в какой-то длинной и низкой комнате где-то под самой крышей, а вокруг него жужжит и грохочет множество ткацких станков. Сквозь зарешеченные окна пробивался тусклый свет, и в полумраке он с трудом различал фигуры изнуренных ткачей, склонившихся над своей работой. На огромных поперечных балках сидели съжившиеся дети, бледные и болезненные на вид. В тот момент, когда челноки проскакивали через основу ткани, дети ухватывались за тяжелые батаны³² и приподнимали их, а когда челноки останавливались, отпускали батаны, и те, падая, прижимали нити друг к другу. Щеки у детей втянулись от голода, а их тонкие руки тряслись мелкой дрожью. За столом он увидел несколько изможденных женщин, которые что-то шили. В комнате стоял ужасающий смрад, воздух был тяжелый и спертый, с сырых стен струйками стекала влага.

Юный Король подошел поближе к одному из станков и молча наблюдал за работой одного из ткачей. Тот сердито взглянул на него и спросил:

– Зачем ты наблюдаешь за мной? Не подослал ли тебя наш хозяин шпионить за нами?

– А кто твой хозяин? – поинтересовался юный Король.

– Наш хозяин? – переспросил с горечью ткач. – Да он такой же человек, как и я. Единственная разница между нами – это то, что он ходит в красивой одежде, тогда как я красуюсь в лохмотьях, и если я обессилел от голода, то он мучается от ожорства.

– У нас вольная страна, – возразил юный Король, – и никто не может сделать тебя рабом.

– В войну, – отвечал ткач, – рабами сильных становятся слабые, а в мирное время рабами богатых становятся бедные. Мы должны работать, чтоб жить, но нам платят столь жалкие гроши, что жить мы не можем, а потому умираем. От самой зари и до поздней ночи мы гнем на богатых спину, чтобы они набивали золотом свои сундуки. Наши дети увядают до времени, а лица тех, кто нам дорог, становятся злыми и безобразными. Мы давим виноград, чтобы вино пили другие, и мы сеем хлеб, чтобы ели его другие. Мы закованы в цепи, хотя их никому и не видно; мы – рабы, хотя и зовемся людьми свободными.

– И так живете вы все? – спросил юный Король.

– Да, так живем мы все, – ответил ткач. – Молодые и старые, женщины и мужчины, малые дети и дряхлые старики. Торговцы дерут с нас три шкуры, но мы вынуждены покупать у них по их ценам. Священник же как ни в чем не бывало проезжает мимо, перебирая четки, и нет ему до нас дела. По нашим бессолнечным закоулкам крадется голодноглазая Нищета, и Грех с одутловатым от пьянства лицом следует за ней по пятам. По утрам нас будят Невзгоды, а по ночам сидит с нами Стыд. Но к чему тебе слушать все это? Ты ведь не из нашего племени. Уж слишком счастливое у тебя лицо.

И ткач отвернулся нахмуясь. А когда он стал пропускать через основу ткани челнок, юный Король, присмотревшись, увидел, что на колоду челнока намотана пряжа из золотой нити.

И великий ужас объял его душу, и он спросил у ткача:

– Скажи мне, что за одеяние ты сейчас ткешь?

– Это мантия для юного Короля – по случаю его коронации, – ответил тот. – А тебе что до этого?

И в этот момент юный Король, громко вскрикнув, проснулся, оказавшись, будто по мановению волшебной палочки, в своих покоях. Глянув в окно, он увидел огромный диск красновато-желтой луны, висящий в тусклом полуночном небе.

И он снова заснул, и привиделось ему во сне, будто лежит он на палубе громадной галеры

³² Батан – передвижная штанга ткацкого станка, которая закрывает уток (текст.); уток – поперечные нити в ткани, расположенные перпендикулярно к нитям основы и переплетающиеся с ними.

и видит на ней не меньше сотни гребцов-невольников. На ковре рядом с ним восседал хозяин галеры, черный как смоль и с тюрбаном на голове из темно-красного шелка; с его ушей, оттягивая их мясистые мочки, свисали крупные серьги, а в руках он держал весы из слоновой кости.

На невольниках не было никакой одежды, если не считать выцветших набедренных повязок, и каждый из них был скован цепью с соседом. Сверху на них палило жаркое солнце, а вдоль борта неустанно носились негры и нещадно полосовали их кожаными бичами. Тощими руками заносили невольники тяжелые весла назад, опускали их в воду и, напрягая все свои силы, делали очередной гребок. С весел мириадами капель слетали соленые брызги.

В конце концов они достигли какого-то маленького залива и начали промерять с помощью лота глубину в различных местах. С берега дул легкий ветер, принося с собой мелкую красную пыль, которая начинала покрывать тонким слоем палубу и большой треугольный парус. Вдруг откуда ни возьмись появились три араба на диких ослах и начали бросать в галеру копья. Хозяин галеры взял в одну руку разрисованный лук, а другой натянул тетиву, и стрела поразила одного из арабов прямо в горло. Тот сразу же обмяк и грузно свалился в прибойную пену, а его спутники круто повернули назад и галопом унеслись прочь. За ними, то и дело оглядываясь на убитого, медленно следовала какая-то женщина на верблюде, закутанная в желтую паранджу.

Как только был брошен якорь и убран парус, негры спустились в трюм и вытащили оттуда на палубу длинную веревочную лестницу с тяжелым свинцовым грузилом, после чего хозяин галеры перебросил ее через борт, предварительно закрепив концы на двух металлических пиллерсах.³³ Негры схватили самого младшего из рабов, сбили с него кандалы, заполнили ему ноздри и уши воском и обвязали вокруг его пояса веревку с увесистым камнем. Раб осторожно спустился по лестнице и исчез под зеркальной гладью залива. В том месте, где он погрузился в воду, поднялось несколько пузырьков. Некоторые из невольников с любопытством глядели за борт. На носу галеры сидел заклинатель акул и монотонно бил в бубен.

Спустя какое-то время раб вынырнул из воды и, тяжело дыша, ухватился левой рукой за лестницу. В правой руке он держал жемчужину. Негры выхватили ее у него и столкнули его назад в воду. Гребцы уже успели заснуть над своими веслами.

Снова и снова выныривал раб из воды – и каждый раз с новой прекрасной жемчужиной. Хозяин галеры взвешивал их и складывал в маленький мешочек из зеленой кожи.

Юный Король попытался что-то сказать, но язык у него словно прилип к гортани, а губы отказывались его слушаться. Негры, до этого мирно беседовавшие между собой, вдруг начали ссориться из-за нитки разноцветных бус. Над судном все кружили и кружили два журавля.

И вот ныряльщик погрузился в воду последний раз, и жемчужина, с которой он вынырнул, оказалась красивее всех жемчужин Ормуза,³⁴ ибо имела форму полной луны и своим блеском затмевала утреннюю зарю. Но лицо ныряльщика, когда он выбрался на поверхность, было пугающе бледным, и, с трудом вскарабкавшись по веревочной лестнице, он тут же рухнул на палубу, а из носа его и ушей алым потоком хлынула кровь. Затем он дернулся несколько раз и затих. Негры лишь пожалы плечами и бросили неподвижное тело за борт.

Хозяин галеры рассмеялся и протянул за жемчужиной руку, а когда увидел, что она из себя представляет, приложил ее ко лбу и отвесил низкий поклон.

– Она пойдет на скипетр для юного Короля, – торжественно провозгласил он и подал неграм знак сниматься с якоря и поднимать паруса.

Услышав эти слова, юный Король громко вскрикнул и тут же проснулся. Через окно он увидел, как длинные, серые пальцы рассвета нащупывают одну за одной блекнущие звезды и снимают их с небосклона.

И он снова заснул, и привиделось ему во сне, будто он бредет по сумеречному лесу, пестрящему диковинными плодами и прекрасными ядовитыми цветами. На него шипят смертонос-

³³ Пиллерс – вертикальная стойка, поддерживающая палубу (мор.).

³⁴ Ормуз – город в Иране, основанный более восьмисот лет назад; великий английский поэт Джон Мильтон применял название этого города как символ богатого и загадочного Востока.

ные змеи, а вслед ему, перелетая с ветки на ветку, пронзительно кричат яркие попугаи. В горячей болотной тине спят огромные черепахи, а деревья усеяны обезьянами и павлинами.

Он шел все дальше и дальше, пока не достиг опушки леса, где увидел великое множество людей, работающих на высохшем дне некогда протекавшей на этом месте реки. Бывшее русло, превратившееся с течением веков в ракушечник, кишмя кишело народом, напоминая гигантский муравейник. Многие рыли в земле глубокие ямы, а затем в них спускались. Некоторые огромными кирками долбили ракушечник, другие что-то искали, роясь в песке. Они вырывали с корнями колючие кактусы и безжалостно растаптывали их алые цветки. Люди хлопотливо сновали повсюду, деловито перекликаясь друг с другом, и не было среди них никого, кто оставался бы без дела.

Из темных глубин пещеры за ними наблюдали Алчность и Смерть, и по прошествии какого-то времени Смерть проговорила вздохнув:

– Я смертельно устала от этого зрелища. Отдай мне треть от общего их числа, и тогда я смогу уйти.

Но Алчность, покачав головой, отвечала:

– Нет, нет, ведь они мои слуги.

И тогда Смерть спросила:

– Скажи мне, а что ты держишь в руке?

– Три пшеничных зерна, – ответила Алчность. – А почему ты спросила?

– Дай мне одно из них! – воскликнула Смерть. – Только одно – и я тут же уйду.

– Ничего я тебе не дам! – возопила Алчность в ответ и поспешно спрятала руку в складки одежды.

Смерть лишь рассмеялась на это и, взяв в руку чашу, зачерпнула из лужи воды, и из чаши той поднялась Малярия и направилась в гущу людей. В результате полегла треть от общего их числа, и, куда бы она ни шла, вслед за нею стелился холодный туман, а по сторонам от нее ползли водяные змеи.

Увидев, что треть ее людей загублена мором, Алчность стала бить себя в грудь и рыдать. Она колотила себя в увядшую грудь и громко стенала.

– Ты сгубила треть моих слуг, – восклицала она, – так что можешь теперь убираться. В горах Татари³⁵ пылает война, и предводители обеих сторон призывают тебя на помощь. Афганцы закололи черного быка и движутся в сторону поля брани. А перед этим они надели железные шлемы и били копьями по щитам. Так зачем же тебе моя долина и почему ты медлишь с уходом? Говорю тебе, убирайся отсюда и никогда больше не возвращайся сюда!

– Нет, я не уйду до тех пор, – отвечала Смерть, – пока ты не дашь мне одно из своих зерен.

Однако Алчность сжала руку в кулак и крепко стиснула зубы.

– Ты ничего от меня не получишь, – пробормотала она.

И снова Смерть рассмеялась в ответ и, взяв черный камень, бросила его в густой лес, и из зарослей болиголова вышла Желтая Лихорадка в развевающейся огненной мантии. Она прошествовала сквозь гущу людей, касаясь многих из них, и каждый, кого коснулась она, в скором времени умер. Трава, по которой она проходила, выгорала у нее под ногами.

Алчность содрогнулась, увидев все это, и посыпала голову пеплом.

– Ты безжалостна! – вскричала она. – Ты совершенно безжалостна! Голод свирепствует в окруженных стенами городах Индии, и в Самарканде пересохли колодцы. Голод свирепствует в окруженных стенами городах Египта, и из пустыни прилетают полчища саранчи. Нил в этом году так и не вышел из своих берегов,³⁶ и священники возносят молитвы Исиде и Осирису.³⁷ Так

³⁵ Татария – так в древности называли огромную территорию между Днепром и Японским морем.

³⁶ В те годы, когда Нил выходил из берегов, огромные площади земли, заливаемые водой, хорошо пропитывались влагой и удобрялись речным илом, что обеспечивало щедрый урожай и достаток в крестьянских семьях. Но если Нил не разливался, особенно в засушливые годы, большинство египтян страдало от голода и лишений.

³⁷ Исиды – важнейшая из богинь древнего Египта, покровительница плодородия, материнства, богиня жизни и здоровья. Культ Исиды тесно связан с почитанием ее брата (и супруга) Осириса, олицетворяющего умирающую и

отправляйся же к тем, кому ты нужна, а мне оставь моих слуг.

– Нет, я не уйду до тех пор, – отвечала Смерть, – пока ты не дашь мне одно из своих зерен.

– Ты ничего от меня не получишь! – воскликнула Алчность.

И снова Смерть рассмеялась в ответ и, вложив пальцы в рот, громко свистнула, и тотчас же прилетела по воздуху женщина, на челе которой было начертано слово «Чума», в сопровождении кружившей над ней стаи облезлых стервятников. Она распластала над долиной свои огромные крылья, и не осталось в живых в этом месте ни одного человека.

И Алчность, увидев все это, с пронзительным криком скрылась в лесу, а Смерть, вскочив на своего красного коня, ускакала в далекую даль, и нес ее конь быстрее легкокрылого ветра.

А со дна долины, из отвратительной липкой слизи, стали выползать драконы, а вместе с ними и другие страшные существа, сплошь покрытые чешуей, и по песку, втягивая ноздрями воздух, прибежали мелкой трусцой шакалы.

И юный Король заплакал и, глотая слезы, спросил:

– Кто же были те люди и что искали они?

– Рубины для короны Короля – вот что искали они, – ответил некто, стоявший у него за спиной.

Юный Король вздрогнул от неожиданности и, обернувшись, увидел человека в одежде паломника, в руке которого было зеркало из серебра.

– Какого короля? – спросил он бледнея.

– Взгляни в это зеркало, и ты увидишь его, – ответил паломник.

И юный Король, взглянув в зеркало и увидев свое лицо, громко вскрикнул и тут же проснулся. Спальная комната была залита ярким солнечным светом, а в саду за окном весело распевали птицы.

В покои к нему вошли гофмейстер и другие высокопоставленные мужи королевства, чтобы выразить ему верноподданническое почтение, а вслед за ними явились пажи, которые принесли сотканную из золотых нитей королевскую мантию и выложили перед ним на обозрение королевскую корону и скипетр.

Юный Король смотрел на королевское одеяние и регалии и любовался их красотой. Ничего прекраснее за всю свою жизнь он не видел. Но тут же, вспомнив о приснившихся ему снах, он сказал своим приближенным:

– Заберите все эти вещи, ибо мне они не нужны.

Придворные поразились, услышав эти слова, а некоторые из них рассмеялись, решив, что юный Король изволит шутить.

Но он не шутил, а потому добавил, обращаясь к ним с самым серьезным видом:

– Заберите все эти вещи и спрячьте их от меня. Хоть сегодня и день коронации, я не хочу их видеть и не захочу никогда. Ибо мантия эта соткана из Страданий, и ткали ее белоснежные руки Скорби, а этот рубин окрашен цветом безвинно пролитой крови, ну а в сердце этой жемчужины кроется Смерть.

И он рассказал им о трех своих снах, приснившихся ему ночью.

Почтительно выслушав его рассказ, придворные переглянулись и шепотом обменялись друг с другом мнениями на сей счет:

– Он, видно, совсем лишился рассудка, ибо сон – это всего только сон, а видение – всего лишь видение. То, что видишь во сне, не происходит в реальной жизни, так как это иллюзия, которая не может восприниматься всерьез. Да и, кроме того, какое нам дело до тех, кто на нас трудится? Неужели мы должны отказываться от хлеба, пока не увидим сеятеля, и от вина, пока не поговорим с виноделом?

И тогда выступил вперед гофмейстер и сказал юному Королю:

– Мой господин, я умоляю тебя оставить сии черные мысли. Ты должен облачиться в эту прекрасную мантию и возложить на голову эту корону, ибо как иначе узнает народ, что ты их король, если не увидит тебя при всех королевских регалиях?

воскресающую растительность.

– Ты и в самом деле так думаешь? – спросил юный Король, внимательно взглянув на него. – Неужели люди не узнают во мне короля, если я выйду к ним без королевских регалий?

– Ни за что не узнают, мой господин! – воскликнул гофмейстер.

– А мне почему-то казалось, что королей можно узнать и без королевских регалий, – задумчиво произнес юный Король, – хотя, возможно, я и не прав. Так или иначе, но я не стану надевать эту мантию и не буду короноваться в этой короне. Что ж, каким я пришел во дворец, таким и уйду из него.

И он отослал из своих покоев всех своих приближенных, за исключением одного из пажей, юношу на год младше себя, оставленного им в качестве слуги и товарища. Тщательно умывшись чистой водой, он открыл большой, затейливо разрисованный сундук и достал из него кожаную блузу и грубый плащ из овчины, в которых когда-то пас на склоне холма косматых коз своего приемного отца. Облачившись в это одеяние, он, для полноты картины, взял в руку свой старый пастушеский посох, и маленький паж, с изумлением наблюдавший за ним, широко открыв свои большие голубые глаза, спросил улыбаясь:

– Господин, я вижу твою мантию и твой скипетр, но где же твоя корона?

И юный Король, отломив на балконе ветку вьющейся дикой розы, согнул ее в кольцо и возложил рукотворный венец на голову.

– Это и будет моя корона, – ответил он.

В таком живописном облачении он и покинул свои покои, направившись в Большой зал дворца, где его уже ждали придворные. Увидев его, некоторые из них стали откровенно потешаться над ним, и кто-то насмешливо прокричал:

– Мой господин, люди ждут появления короля, а ты явился к ним нищим!

Других же его вид привел в негодование, и они гневно выкрикивали:

– Он позорит нашу страну и недостоин быть ее королем!

Но он, не обращая внимания на насмешки и оскорбления, молча прошел через зал и, выйдя на парадную лестницу, спустился по ее порфировым ступенькам вниз, а затем, покинув дворец и пройдя через отлитые из бронзы ворота, сел на коня и пустился по улицам города к собору. Маленький паж, ни на шаг не отставая, бежал рядом с ним.

Горожане смеялись над ним и, желая побольнее его уколоть, громко кричали:

– Смотрите! Смотрите! Это едет шут Короля!

Не желая больше слушать насмешек, юный Король остановил коня и сказал:

– Нет, я не шут, я и есть ваш Король.

И он рассказал им о своих трех сновидениях.

И тогда вышел из толпы человек и обратился к нему с такими словами, исполненными сарказма и горечи:

– Неужто неведомо тебе, господин, что роскошь богатых дает возможность жить бедным? Что изобилие ваше нас кормит, а ваши пороки дают нам хлеб? Гнуть спину на хозяина плохо, но не иметь хозяина, на которого можно гнуть спину, – еще хуже. Неужели ты думаешь, что нас прокормят черные вороны? И какой ты из этого видишь выход? Ведь ты не можешь сказать покупателю: «Покупай по такой-то цене», а продавцу: «Продавай не выше этой цены». Я лично в это не верю. А потому возвращайся-ка лучше ты в свой дворец и надевай свою королевскую мантию да наряды из тончайшего полотна. Какое дело тебе до нас и до наших страданий?!

– Разве богатые и бедные не могут быть братьями? – воскликнул юный Король.

– А то как же, – отвечал ему человек. – Особенно если имя богатого брата – Каин.

Глаза юного Короля наполнились слезами, и он поехал дальше под глухой ропот толпы, так что маленький паж испугался и покинул его.

Когда юный Король оказался перед огромным порталом собора, солдаты скрестили перед ним алебарды и грубо спросили:

– А ты что здесь потерял? Неужто не знаешь, что войти в эту дверь может только Король?

Лицо юного Короля вспыхнуло гневом, и он им гордо ответил:

– Я и есть ваш Король.

И, раздвинув в стороны алебарды, он прошел через двери портала в собор.

Когда старый епископ увидел, что к нему приближается юный Король в своем пастушеском одеянии, он двинулся навстречу гостю и сказал, подойдя к нему:

– Сын мой, ужели это наряд короля? Какую корону я буду возлагать на тебя? И что за скипетр я вложу в твою руку? Истинно день сей должен быть для тебя днем радости, а не днем унижения.

– А посмеет ли Радость появиться в наряде, скроенном для нее Печалью?! – с горечью воскликнул юный Король и рассказал епископу о своих трех сновидениях.

Выслушав рассказ юного Короля, епископ нахмурил брови и обратился к нему с такими словами:

– Сын мой, я уже далеко не молод и нахожусь, можно сказать, на склоне дней моих, а потому мне ли не знать, сколько зла творится на белом свете. Жестокие разбойники спускаются с гор и уносят малых детей, чтобы продать их маврам. Львы лежат притаившись в ожидании караванов, а дождавшись их, свирепо набрасываются на верблюдов. Дикий вепрь роет землю на пшеничном поле в долине, уничтожая посевы, а лисица обгрызает кору на лозах виноградников на склоне холма. Пираты учиняют опустошительные набеги на прибрежные земли, сжигают суда рыбаков и отнимают у них рыболовные сети. Прокаженные живут в солончаковых низинах, ютятся в хлипких хижинах из плетеного тростника, и ни одна человеческая душа не осмеливается приблизиться к ним. Нищие бродят по городам, добывая себе пропитание вместе с бездомными псами. Скажи мне, сможешь ли ты сделать так, чтобы всего этого не было? Осмелишься ли положить прокаженного в свою постель и посадить к себе за стол нищего? Сумеешь ли подчинить себе льва и дикого вепря? И не мудрее ли тебя Тот, кто придумал Страдание? А потому не могу я одобрить твоего поступка и повелеваю тебе: возвращайся скорее к себе во дворец и, прогнав унынье с лица своего, облачайся в одеяние, приличествующее королю, и тогда увенчаю тебя я короной из золота и вручу тебе скипетр из жемчуга. А что касается твоих сновидений, постарайся больше не думать о них. Слишком уж велико бремя мира сего, чтобы смог его вынести один человек, и слишком уж многочисленны скорби мира сего, чтобы смогло их вместить сердце одного человека.

– И ты говоришь такие слова в этом храме? – только и нашел что сказать юный Король, а затем, отойдя от епископа, поднялся по ступенькам к алтарю и застыл перед образом Христа.

Он стоял пред образом Христа и мог видеть по обе стороны от себя великолепные сосуды из золота – потир с янтарно-желтым вином и небольшую чашу с елеем. И он преклонил колена пред образом Христа, а вокруг отделанной драгоценными камнями святыни ярко горели высокие свечи, и ввысь, к самому куполу, извилистыми кольцами струился дымок от ладана. Голова его склонилась в молитве, и священники в негнущихся ризах, стараясь ступать, удалились от алтаря.

Внезапно на улице, возле входа в собор, послышался сильный шум, и в храм ворвалась группа придворных с шпагами наголо и щитами из полированной стали, и перья на их шляпах раскачивались в такт их нетерпеливым шагам.

– Где этот фантазер и сновидец? – кричали они. – Где этот король, нарядившийся жалким нищим, этот мальчишка, позорящий наше славное королевство? Мы лучше убьем его, ибо он недостойн высокой чести править нами!

А юный Король стоял коленопреклоненный, с опущенной головой, и молился, а закончив молитву, встал на ноги, обернулся и долгим, печальным взглядом посмотрел на своих придворных.

И вдруг – о чудо! – через витражи собора заструился на него солнечный свет, и солнечные лучи, словно по волшебству, соткали вокруг него мантию из золотых нитей, еще более прекрасную, чем та, что была сшита по его заказу, а его пастушеский посох расцвел, покрывшись белыми, белее жемчужин, лилиями. Вместе с посохом расцвела и засохшая ветка дикой розы, покрывшись красными, краснее рубинов, цветками. Белее жемчужин были белые лилии, и их стебли сияли, словно чистое серебро. Краснее рубинов были красные розы, и их листья сверкали, словно чеканное золото.

А он стоял в своем королевском облачении пред алтарем, и врата святыни, украшенные

драгоценными камнями, отворились пред ним, и хрусталь дароносицы, переливающейся мириадами тончайших оттенков, засветился дивным сиянием, завораживающим своей неземной красотой. Он стоял в своем королевском облачении пред алтарем, и Благость Господня снизошла на храм, и святые в своих нишах из резного камня, казалось, пришли в движение. В прекрасном облачении короля стоял он пред ними, и величественно звучал орган, и трубачи трубили в трубы, и пели мальчишки-певчие.

Исполненные благоговения люди упали на колени, а притихшие придворные спрятали свои шпаги и присягнули королю на верность. Лицо епископа покрыла бледность, и руки его задрожали.

– Тот, кто более велик, чем я, короновал тебя! – воскликнул он и опустился на колени пред Ним.

А юный Король, сойдя с высокого алтаря, направился к выходу сквозь гущу людей. Но никто не осмелился взглянуть на него, ибо лицо его было подобно лику ангела.